



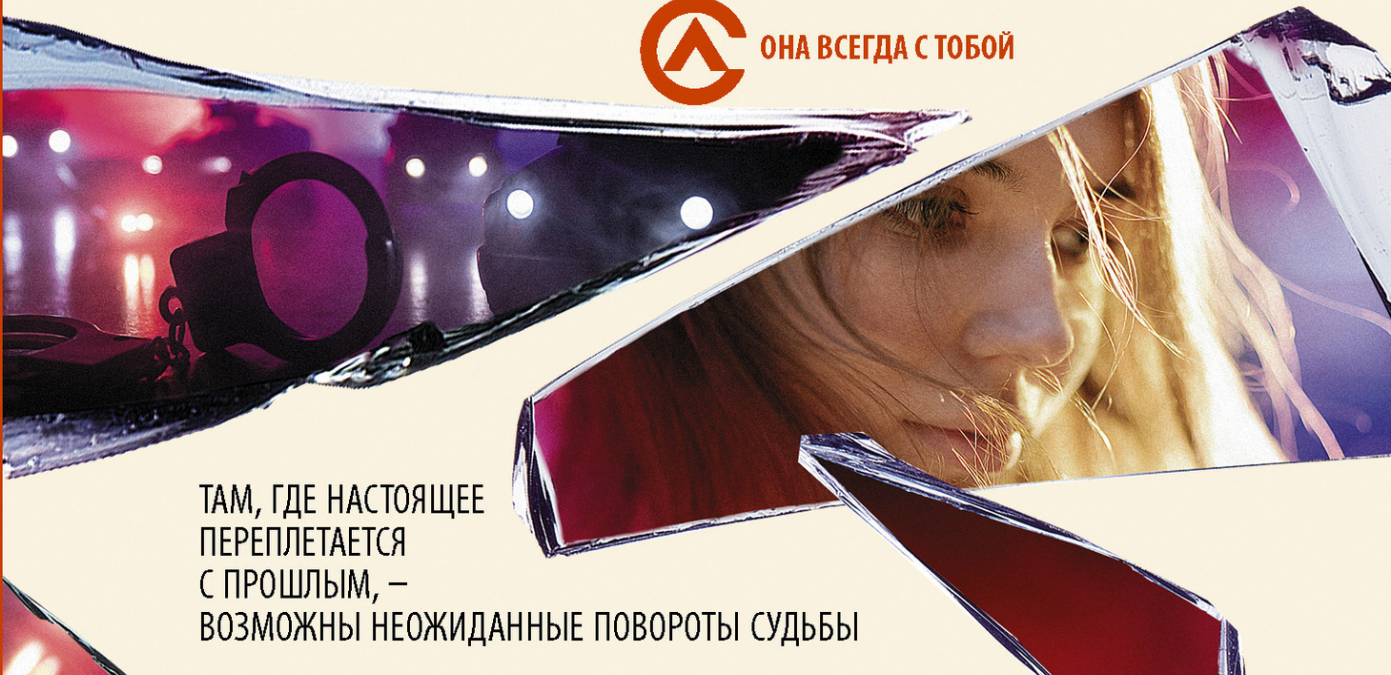
ЛАРИСА

СОБОЛЕВА

ДЕВЯТЫЙ КРУГ УДАЧИ



ОНА ВСЕГДА С ТОБОЙ



ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАННЫЕ ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

Она всегда с тобой

Лариса Соболева
Девятый круг удачи

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соболева Л. П.

Девятый круг удачи / Л. П. Соболева — «Издательство АСТ»,
2019 — (Она всегда с тобой)

Способен ли выстоять человек против соблазна, если на него в один миг сваливается огромное богатство? Деньги — это возможность реализоваться, занять достойное место, это и уверенность в завтрашнем дне, и доступность всех благ, которые есть на земле, и уважение. Кто ж откажется от таких перспектив? Герой данной истории не устоял, забыв старую истину: ничто — ни хорошее, ни плохое — не достается даром. Впрочем, плату три благодетеля потребовали сразу: отказаться от своего имени и фамилии, от прошлой жизни, от тех, кто дорог. Так Дима стал Артуром, бросил всех, включая любимую девушку, и в конце концов узнал, что явился важным эпизодом в чужом сценарии, узнал также, что дна ада реально достигнуть на пике удачи.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Соболева Л. П., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Лариса Соболева

Девятый круг удачи

Часть первая

Забудь... забудь... и откажись...

– Сегодня ты просто бесишь меня, – зло буркнула Клара, откинула одеяло и вскочила с постели. Но ей мало было сказанной фразы, она бросила вторую, пока еще мирную: – В состязаниях по занудству ты стал бы чемпионом.

Шелковый халатик висел на спинке кровати, она резко сдернула его и, не надевая, а держа в руке, прошла в угол к столику, стоявшему у противоположной стены рядом с балконной дверью. Налив в длинный бокал розового шампанского, Клара отпила глоток, после фыркнула:

– Ну и дрянь... Из какой кислятины это делают? Сколько раз говорить – я люблю полусухое? Мне плевать на производителя... Артур, ты слышишь?

А ему плевать на ее требования, упреки, жалобы, стоны, просьбы, слезы, как и на самую Клару наплевать. А посему лучшее, что он мог сделать, – ответить молчанием, тем самым не дать повода ей впасть в истерику. Это она способна на конкурсе самых противных баб не только титул чемпионки хапнуть легко, но и зарабатывать на мастер-классах в данной категории. Однако в заработках она не нуждается, а жаль, занялась бы чем-нибудь полезным вместо пилинга мозгов – чужих, разумеется, конкретно – его.

Клара обернулась и от увиденной картинке горькая усмешка задержалась на ее губах, усмешка обиды и разочарования. Артур полулежал на подушках, скрестив на груди руки, и смотрел в сторону, а там – стена без каких-либо украшательств; выглядел он хмурый, наверное, думал о неприятных вещах. Но какое дело Кларе до его неприятностей, по большей части они надуманны, да и вообще, проблемы есть у каждого, маленькие или большие – они есть всегда, не в спальнях же о них думать. Энергетический посыл исходил от нее мощный, он прочувствовал негативные биотоки и покосился на Клару, бросив вялым тоном:

– Оденся...

– А что тебе не нравится во мне?

Давненько перешагнувшая рубеж молодости Клара повернулась вокруг оси, бесстыдно показывая обнаженное тело со всех сторон. Нет, для тридцати семи выглядит она на все сто, да-да, на все сто тысяч баксов, истраченных на апгрейд экстерьера. Сказать, что деньги сделали ее бесподобной красавицей – это была бы бессовестная ложь, фигура у нее... сойдет, а лисья мордочка заурядненькая, хотя пластический хирург старательно искромсал личико вдоль и поперек. Искусство хирурга плюс дорогая упаковка и – все вместе кое-как смотрится. Только чтоб из-за Клары не спать ночами, а днем сходить по ней с ума... даже слепой вряд ли станет, у слепых видение внутреннее, оно замечает то, что зрячим не всегда доступно.

– Просто не люблю, когда ходят голыми, – пробубнил он после небольшой паузы, переведя взгляд снова на пустую стену, там интересней.

Подумав, Клара решила не злить Артура, накинула халатик, но не завязала пояска на талии. Она раздернула тяжелые шторы, потом прозрачные занавески, открыла балконную дверь, постояла немного. Видимо, ей хотелось вдохнуть свежего воздуха, тем самым охладить голову, иначе гаденьша Артурчика попросту прибьет, последнее время он регулярно напрашивается на взбучку. Да, она распускает руки, он тоже не остается в долгу, вот такая у них битая-разбитая love story.

Клара забрала со столика бокал с шампанским и вальяжной походкой (как придорожная шляха – краем глаза оценил Артур) подошла к кровати, стала в ногах. М-да, у них что-то не клеится, она это понимала (он тем более). Однако вместо того чтобы искать причину и способ ее устранения, Клара подавляла раздражение, что плохо ей удавалось, а он... Он очень смазливый, моложе на целых восемь лет – фактически между ними пропасть! И как бы дамы балзаковского возраста ни заверяли, будто разница в годах не имеет значения, она есть, черт ее возьми! И никакая пластика не сотрет границы, недостача юности и света – это внутри, в сердце, в глазах, на губах, отсюда желание взрослой дамы озорничать смотрится со стороны пошло, вульгарно. Клара все понимала. К этой пропасти имеется ядовитая добавка: бабы пачками вешаются на него – от соплячек до старых калош, убила бы их всех вместе с ним.

– Артур, что ты все время пялишься на стену? Там телевизор?

– Закрой балкон, – сухо сказал он. – Холодно.

И то правда, неласковый ветерок надувал тюлевую занавеску, совсем не препятствуя октябрьскому холоду, врывающемуся в спальню.

– А мне жарко! – огрызнулась она на манер дворовой собаки, живущей за забором на цепи и облаивающей прохожих. – Жарко! И душно.

Взглянув на нее, Артур опустил голову, лишь бы она не заметила, как противна ему, впрочем, он частенько жалел ее, как жалеют убогонькое существо, появившееся на земле по ошибке. Но Клара не тупая, как ее гламурные подружки, она зоркая и успела заметить ледяные иглы в его очах, отчего завелась, перейдя на оскорбления:

– Ты меня не удовлетворяешь!

Нет, все-таки она дура. Думает, таким образом нанесла удар по его мужскому самолюбию? Ха-ха-ха! – рассмеялся Артур про себя, но не вслух, он знал: смехом приведет в бешенство злую фурию, а оставить ее без ответа на этот раз не в состоянии, ну, вот никак...

– Ты меня тоже, – вернул он бумеранг индифферентным тоном.

– Секс с тобой скучный! – выпалила она, заводясь.

Еще одно его слово – и начнется извержение, Клару предсказуема, как погода для синоптика. Он устал от сотрясений и настраивал себя на безмолвие, хотелось посмотреть, что из этого номера получится: сдуется Клара или все равно накрутит себя до бешенства? Если честно, ему по барабану все ее состояния, если б она сдохла в мучениях здесь и сейчас, ему тоже было бы наплевать, а может, он даже обрадовался бы...

Дзинь!.. Явно бокал разбился. Следом что-то как будто рухнуло на пол – что-то большое... Артур оторвал взгляд от стены и посмотрел прямо перед собой, туда, где стояла Клара – а ее нет. В прятки решила поиграть? «Идиотка», – подумал он. Вздохнув громко, что означало: как ты меня достала, как ты мне надоела, Артур промямлил:

– Клара, прекрати свои игрища, ты выглядишь глупо, не девочкой...

Осекся на полуслове и одновременно вздрогнул, так как рядом на тумбочке взорвалась лампа – пах! Осколок стекла врезался в щеку, однако вынимать его было некогда, ведь неизвестно, какая следующая безумная идея стукнет в неадекватную голову Клары. Артур скатился с кровати на пол и замер лицом вниз, гадая: чем это она по лампе? Сама по себе взорваться не могла. Конечно, всякое бывает, но сначала бокал разбился, потом лампа... нет, не случайно.

– Тупая дура, – неслышно процедил Артур, после чего громко крикнул: – Клара, твоими штучками я сыт по горло, ты уже перешла все границы... Клара!..

В спальне стояла тишина. Артур вспомнил о фишках любительницы дурацких приколов: сейчас как выпрыгнет с хохотом ведьмы, чего доброго – плясать станет, у нее точно не все дома. Он повернулся на спину, приподнялся на локтях и вдруг – тюк! Именно такой резкий и странный звук раздался возле уха, одновременно шепки от тумбочки отскочили в разные стороны, парочка мелких попала ему в шею. Артур оглянулся...

Мама дорогая! В дверце из карельской березы четкая дырка!

– Пуля? – выговорил потрясенный Артур и перекатился под кровать, к счастью, места там достаточно. – Клара, ты рехнулась?!

Теперь он слышал шорохи... суетливые... как будто на балконе шла некая возня... Конечно, там Клара готовится к очередному дебильному спектаклю, поэтому и дверь открыла. Ну, все, с него хватит!

Для начала он осторожно выглянул из-под кровати, чтобы определиться в расстановке сил и тактике боя. А то, что сейчас Артур старым воспитательным методом заедет ей и в глаз, и в ухо, и еще куда попадет кулак, – это неизбежно! Глаза пробежались по видимой части спальни – пусто, он перевел взгляд на балкон... вот тут у него реально зашевелились волосы.

На балконе чужак! Правда, видел Артур только плотную тень в темноте снаружи, да и то недолго, но по всем параметрам тень мужская, и она, что называется, линия! Кто это? Почему? Зачем? В следующий миг четкая мысль обожгла все тело: в Артура ведь стреляли! Но выстрелы... их он не слышал. Из чего стреляли-то? Не из рогатки же!

Мысль быстрее ветра, но и человек на балконе умел действовать с той же скоростью, и пока хозяин дома лихорадочно соображал, что тут произошло, чужак спрыгнул вниз. Следом Артур выполз на волю, на четвереньках быстро-быстро, словно гончая, достиг балкона – там никого не было.

Но ему не показалось, нет, не показалось, что стреляли! Он пока еще в своем уме, чтобы мерещилась чертовщина, к тому же есть подтверждение – пуля в дверце тумбочки, дырка на светлом фоне реальность, а не плод фантазии. И второе доказательство – осколок в скуле все еще торчал, Артур машинально вырвал его, отбросил, не глядя. А бокал? И его, наверно, тоже снесла неслышная пуля. Однако чьи это проделки? Да что тут думать: догадайся с одного раза.

– Клара, я тебя прикончу!

Она, она устроила представление, больше некому, в ней сдохла актриса больших и малых театров. Это же Клара переделалась в мужика, пока Артур лежал и не смотрел в ее сторону, теперь линяет, потом будет ржать, как лошадь, и рассказывать подружкам с глянцевым мировоззрением, как напугала его, а те будут реготать. Они же не смеются, они громко регочут, открыв пасти во всю ширину и показывая разом наличие зубов.

Поднимаясь на ноги, одновременно поворачиваясь лицом к спальне, он собирался кинуться за мерзавкой (но сначала халат взять), догнать и наконец-то выместить всю свою «любовь». Отметелит по полной, чтобы гадина залезла под корягу и месяц носа не высовывала оттуда!

Но Клара... Она никуда не делась, не слиняла. Клара разлеглась на полу спальни, имитируя обморок, будто цирк с бесшумными выстрелами придуман не ею, а исполнил его не сообщник. Артур двинул к телу, осатанев от злости и цедя сквозь зубы:

– Вставай! Знаешь, всему есть предел, твоим выходкам тоже. Вставай! Ты хреновая лицедейка...

Остановился у тела Клары, мучительно преодолевая желание врезать ей, руки водрузил на пояс, чтобы как-то контролировать их – они же чесались! Она валялась на спине... Развалилась... Распласталась... Халат не прикрыл нагое тело, выглядела эта чужая по всем меркам женщина похабно. Артур смотрел в лицо с открытыми глазами и выжидал, когда Клара продаст себя, моргнув.

Прошла минута... вторая... Он присел и только тогда понял, что Клара, отравлявшая ему жизнь каждый божий день своим присутствием, редкая стерва, изворотливая хищница... мертва. Тут впору плясать от радости, но! С какого перепугу ей умирать? Да у нее здоровье и аппетиты во всех возможных сферах, как у бессмертных из фильмов фэнтези.

Из-под Клары, со стороны сердца, медленно выползла густая лужица... От увиденного по спине Артура пробежали мурашки, а во рту он ощутил привкус крови. Постепенно доходило:

она не сама по себе скончалась, не инфаркт с инсультом ее убил, а кто-то другой... Человек на балконе?!

От ужаса Артур отшатнулся и, не удержавшись, упал на пятую точку. Его бросило сначала в жар, потом реально ощутил в жилах ледяной холод, по виску что-то потекло – это была струя пота, которую он вытер ладонью.

Артур отполз назад, подальше от трупа и от смерти.

– Как?.. Почему?.. Кто?.. – шептал он, с ужасом глядя на Клару. – Пуля... Так ее застрелили? Застрелили... Мы с ней были вдвоем... одни...

«Бежать!!!» – мысль ударила в лоб вопреки всякой логике...

Улицы пестрели огнями и былолюдно...

...хотя час пик давно прошел. Если свернуть с проспектов и бульваров в переулки, попадешь в глубокую темень, запросто ноги можно переломать, отважившись пройти по неосвещенной улочке. Но там, где кипит жизнь, в вечернее время все краски мира встречают горожан сверканием, а внутри Артура поселилась чернота, сверкающих красок он не замечал. Да и не понимал – куда идет, зачем. Обнаружил себя на одной из главных улиц города, только когда его несколько раз толкнули пробежавшие мимо прохожие, и остановился в недоумении. Артур не помнил, как здесь очутился, какой-то провал в памяти образовался, словно он больной психически.

– Чего стал посреди дороги? – бросил мужчина, обгоняя его.

Артур отошел к стене здания, с удивлением смотрел на людей – их так много! Поздний вечер, а народ мчится в обе стороны... Кстати! А сколько времени? Около девяти всего лишь, значит, как минимум часа два он «гулял». Но куда идти? Артур огляделся и двинул налево – там скоро будет поворот в сторону пешеходного бульвара, где осенью и зимой никогда не бывает по вечерам много народу, а посередине – длинный, вдоль всего бульвара, сквер. Артур лишний здесь, но и ему сейчас необходимо уединение, люди его пугали.

Действительно, на бульваре было тихо, лишь кое-где целовались на скамейках парочки, туманно светили круглые фонарики... Похожие лампы стоят в его спальне на тумбочках, одна из них сегодня... вдребезги!

Стало душно, словно кислород перестал поступать в легкие, Артур дошел до пустой скамейки и, запахнув длинные полы пальто, уселся, потом и вовсе упал спиной на деревянную спинку, запрокинул голову. Нет, звезд не увидел, лишь черноту в вышине, подсвеченную матовыми фонарями, черноту, похожую на ту, что заполнила и его. Но и здесь сосредоточиться мешала музыка, она едва слышалась, тем не менее мешала.

Выпрямившись, Артур попал глазами на рекламный щит у входа напротив, его хорошо подсветили, одна из четырех фотографий манила к себе. Он поднялся и, как зомби, побрел к щиту. Это оказалось объявление под названием «Hand Made», внизу расшифровка: «Ручная работа», а еще ниже – фотографии четырех участниц, предоставивших свои работы и мастер-классы. Взявшись за массивную дверную ручку, Артур открыл дверь (музыка стала громче), с минуту он так стоял, не решаясь войти, и все же осмелился.

В большом зале, где по глазам ударил яркий свет, народу собралось довольно прилично, самого разного возраста и разного достатка, судя по одежде. Вдоль стен стояли застекленные стенды-витрины с работами, возле них толпились небольшие кучки людей, которые болтали между собой. Видимо, выставка подходила к концу, потому что все держали в руках стаканчики с шампанским, а шампанское обычно пьют в конце подобных мероприятий.

Артур искал глазами и нашел ту, которую хотел увидеть, очень хотел и давно, совершенно случайно он повернул на бульвар, заметил рекламу... или не случайно? В группе из двух женщин и одного мужчины она стояла у застекленных витрин под вывеской «Люсия-Lucia»,

была нарядной, праздничной, веселой и светилась, будто ее подключили к электричеству. Этот свет... Артур в своей среде не видел светящихся людей, а его окружают те, кто имеет все, что можно захотеть при жизни и купить. Смеясь, она пробежала глазами по залу, словно в поисках кого-то невидимого, кто вызвал внезапное беспокойство, и тут увидела его...

Полтора года назад...

...была весна. Ночь. Луна. И балкон. А на балконе она. И все в ней чарующе прекрасно: обнаженное тело с изгибами и выпуклостями, медленные движения и покачивания, похожие на ритуальный танец, тихое мурлыканье, плавные колыхания длинных волос. Она – молодость, та же весна, дыхание которой заползало в комнату, охлаждая все предметы, но не голову Димы. Откровение завораживало, смелость восхищала, впрочем, в столь поздний час Людочку никто не видел. Почему-то все с первой минуты знакомства с ней, словно по сговору, хотя этого не могло быть, называли ее Людочкой.

В тот весенний вечер она думала: ее никто не видит, кроме Димки, но он... ему можно смотреть. Да, пусть смотрит, какая грациозная Людочка, какие у нее гибкие руки, стройные ножки, тонкая талия, плавно переходящая в бедра, волнистые волосы, достающие до талии, ими нежно играет шаловливый ветерок... А грудь! Это объект черной зависти: по silicon, кругленькая и третьего размера, а не минус два.

Пусть, пусть смотрит Димка и помнит, что лучше Людочки нет на свете. А чтобы он хорошо рассмотрел и запомнил, она, подняв руки вверх, медленно и плавно раскачивалась на балконе в свете луны, переступала на цыпочках и кружилась под симфонию, звучавшую внутри. Она знала: он не спит на их новом диване, а кушает ее синими, как небо в ясную погоду, глазами, поэтому своим движениям Людочка прибавила томности и неги.

Лежа на боку и подперев голову рукой, Дима действительно не сводил глаз с курносого чуда. Этот райский уголок в середине квартала сохранил признаки советской коммуналки: здесь все знали друг друга, да и жили одним кланом, только по разным квартирам. Двух- и трехэтажные домики самых странных архитектурных форм лепились кучно, словно боялись, что без обоюдной поддержки рухнут или их раздавят монументальные строения вокруг. Чтобы каменные массы не давили на мозг, каждую пядь свободной земли жильцы засадили деревьями, со временем те закрыли кронами убогие постройки и защитили от глаз из окон высоток. Весной здесь курорт, как сейчас: цветет сирень и жасмин, опьяняя ароматами, они просто одурманили Людочку, заставив нагой танцевать на балконе. Глупо и мило.

– Людаша, простудишься, – сказал Дима. – Еще холодно.

Ага, не спит! Тихо рассмеявшись, Людочка певуче промурлыкала:

– Не-ет... не простужусь... Я купаюсь в лучах луны... они ласкают меня... а ветерок, нежный весенний ветерок целует... От этого нельзя заболеть...

– Иди ко мне! – потребовал Дима.

Соблазнила! А ведь любовь – страстная, жгучая, горячая – уже была сегодня, но он снова позвал. Димка совершенно земной, он хочет земных наслаждений, а наслаждение – Людочка, ее губы, ее руки и тело. Она повернулась к нему лицом, взявшись за перила балкона, а в комнате темным-темно. Но зачем им свет? Она откинулась назад и, глядя в звездную бездну, сказала:

– Обещай любить меня вечно.

– Я хочу любить тебя сейчас, – заявил неромантичный Димка, Людочка снова рассмеялась.

И вдруг внизу раздался мужской баритонистый глас:

– Я бы тоже любил тебя с большим удовольствием. Вечно.

– Ой! – взвизгнула она, присев, словно нашкодивший щенок. Прежде чем уйти с балкона, Люда не удержалась и бросила вниз: – Идиот!

В этом дурацком положении, как какая-то каракатица, у которой ни красоты, ни изящества, Людочка неуклюже ретировалась в комнату, запрыгнула на диван и прижалась к Димке. Так грубо нарушить волшебство весенней ночи! Даже плакать захотелось.

– Кого ты идиотом обозвала? – спросил Дима, обнимая ее, холодную, как лягушка, но он же способен разогреть.

– Соседа. У него даже имя идиотское – Тихон! Вот свинья... Нет, он похож на медведя, и кличка у него медвежья. Подглядывал за мной! Ух!

– Завтра набью ему морду, – пообещал Дима, целуя Людочку. – Чтоб не подглядывал. И за приставания.

– Приставания? Какие приставания?

– Метла доложила, как он тебя в машину сегодня тащил.

Метла – старуха лет шестидесяти, метет проспект по утрам. Это главная боль квартала, потому что сеет она одни недоразумения, видя события в собственном преломлении.

– Неправда, всего-то предлагал подвезти, – ластилась к нему Людочка. – Затащить меня никуда невозможно даже такому большому медведю, как наш сосед. Я умею отбиваться и знаю несколько приемов, показал один знакомый.

– Какой знакомый? Кто он? – грозно спросил Дима.

– Не ревнуй. Ревность – это удел дремучих шизиков.

– А я ревную. Ко всем. Даже к луне. Так кто и что тебе показал?

– Тренер! Несколько точек, надо лишь в них попасть.

– А, да-да, я забыл, ты же у нас боец ушу...

– Все время забываешь, – надулась Людочка. – Я плохой боец, поэтому меня держали только на упражнениях, а по твоей милости не хожу на занятия.

– Думаешь, приятно помнить, что твоя девушка занимается вместо элегантных танцев мужицкими побоищами? Меня все бомжи засмеют: моя девушка опасная штучка, может в глаз захватить, причем ногой.

– Да! – шутливо, на манер тигрицы, прорычала она, резко перевернув Диму на спину и очутившись сверху (он, разумеется, поддался), про соседа-нахала вмиг забыла. – Я очень опасна! Для всех мужчин, которые ко мне приближаются. Но не для тебя! Потому что тебя я о-бо-жа-ю.

И поцелуй... поцелуй... Ему двадцать семь, ей двадцать четыре, это было их время, они не знали и не думали о том, что там – впереди. Пожалуй, в обоих укоренилась уверенность, что дорогу в будущее, выражаясь фигурально, судьба полила шоколадом, осталось скользить по сладкому потоку, как на сноуборде...

А утро наступило рядовое, оба спешили на работу, потому что немножко проспали, кстати, это не первый раз, отсюда и завтрак проглатывали на скорости голодных волчат. Но Людочка и у плиты, несмотря на крошечное пространство кухни, порхала, словно бабочка, мурлыкая веселую песенку – она постоянно поет что-то под нос, а Дима... украдкой поглядывая на него, она невольно улыбалась.

Он ее тотем, идол с лицом положительного киногероя, у которого все идеально: высокий рост, атлетическая фигура, волнистые каштановые волосы (на зависть девчонкам) и, конечно же, лицо. Людочка обожала, когда его темно-синие глаза смотрели на нее с восхищением, автоматически отключалась, когда рельефные губы касались ее губ, а она обожала целовать его в ямочку на подбородке. Ей нравилось наблюдать, как он дышит, кстати, нос у Димы с горбинкой, вовсе не портил идола, напротив, добавлял аристократизма. Но главное – он хороший. Да-да-да, хороший! Не сразу Люда это поняла, не сразу его оценила и приняла.

Сначала она вообще не решалась с ним встречаться – он ведь такой-растакой, за ним в универе толпы девчонок бегали, хотя он не поп-звезда, а Людмила считала себя слишком обыкновенной. Кстати, ей и говорили, мол, на себя посмотри и на Димку, вы такие разные,

но это не так, у них много общего. Он оказался настойчив, и два года они встречались: кино-мороженое, долгие прогулки, поцелуи в темных уголках. А пять месяцев назад решили жить вместе, предложение поступило от Димы, но Людочка некоторое время думала, она чересчур осторожная. Он обижался, злился, переживал... о, сколько терзаний мучает ревнивое сердце! А как было ему сказать, мол, жить вместе – предложение странное, почему не замуж зовешь? Щепетильность не позволила вот так напрямую задать вопрос. В конце концов победил Дима, они нашли эту квартиру практически в центре города, недорогую (!) и перевезли свои узлы.

Однако! Не пора ли насторожиться? Вот уже несколько дней по утрам Дима весь в себе, казалось, дневной свет на него действует угнетающе, как на вампира.

– Димуля, что с тобой? – спросила Людочка беспечным тоном, не предполагающим проблем у идола.

Какие проблемы, откуда? Она поставила чашку с чаем перед ним и уселась напротив идола за крошечный столик у окна, за которым на ветках щебетали шустрые пичужки. Дима услышал вопрос, тряхнул головой, будто сбрасывая с себя нечто мешающее, и улыбнулся, беря чашку:

– Со мной? Просто не выспался. Ух, горячо...

– А мне показалось, тебя что-то гложет...

– Только поиск достойной работы.

Работа – единственная проблема, и Людочка каждый раз, когда заходила речь на неприятную тему, давала понять, что не в деньгах счастье:

– Ты неплохо зарабатываешь.

– Шутишь? Могу и должен больше зарабатывать, я все же диплом получил не для того, чтобы машины мыть.

– Я тоже работаю не по специальности, когда-нибудь все устроится, надо спокойно искать то, что нравится.

Дима не был расположен обсуждать свое незавидное положение, взглянув на наручные часы, он засобирался:

– Извини, Людаша, пора, обещал сегодня пораньше... Я убегаю.

– Конечно, беги. А я уберу здесь и тоже побегу.

Через стол Дима поцеловал Людочку и сунул ей в руки конверт формата А4. Людочка достала лист... а там она! Опять она, только вчерашняя, обнаженная, и, кажется, Дима приукрасил ее немножко. Он потрясюще рисует цветными карандашами, это его хобби, рисует в основном людей, Людочку – само собой. Ей больше нравятся рисунки графитовым карандашом, наподобие старых фотографий, в них есть своя магия: смотришь и дорисовываешь цвета. Этот как раз такой. Когда он успел? Но ведь Дима ушел! Людочка кинулась на площадку и крикнула вниз, откуда доносились его шаги:

– Спасибо! Мне очень нравится!

Он не откликнулся – некогда, на ходу надевая джинсовую куртку, Дима сбежал по старой деревянной лестнице, стонавшей под его ногами на все скрипучие лады. Выйдя из квартала на шумный проспект, он задержался, воровато огляделся, ничего подозрительного не заметил, после чего решил продолжить путь. Как правило, до автомойки он добирался на троллейбусе, потом немного пешком, но в то утро хотел кое-что проверить, а потому миновал троллейбусную остановку, следуя на своих двоих тем же маршрутом.

Он обманул Людашу. И это была его первая ложь, обманул ради нее, чтобы не переживала зря. Но она какова! Рентген! Как ей удалось заметить то, что он тщательно скрывал? А ведь беспокойство стало постоянным его спутником.

Вот уже несколько дней ему мерещилось, будто за ним... Диме не нравилось слово «следили», он подобрал скромнее – надзирали. На основании чего так подумал? Дело в случайных

встречах, их слишком много, чтобы не обратить внимания. В общем, ему постоянно попадались три человека и крутой «мерседес» черного цвета, словно фантом из преисподней.

Мужчины, их двое – один пожилой где-то за шестьдесят лет, второму примерно сорок, и женщина... Сколько же лет леди? Сложно определить, ей могло быть и двадцать пять, но обилие косметики делало ее старше, а могло и сорок, в таком случае, тот же раскрас и стильная упаковка молодят... наверное. Дима плохо разбирался в женских ухищрениях, но именно она – такая сочная, яркая, независимая привлекла его внимание первой, ее часто сопровождал один из двух мужчин. А то и вся троица хищно пялилась из окон «мерседеса»! Дима старательно изображал, будто не замечает поистине зоологического интереса к его персоне, но случайные встречи тянули на закономерную стабильность.

Так что же следовало ответить Людочке? Допустим, выложил ей, и что она подумала бы о нем? Шиза накрыла, мания преследования? Нет, надо сначала самому понять, в чем тут дело.

Дима шагал вдоль проспекта, впечатывая ступни в тротуарную плитку, каждый шаг отдавался гулом в его голове, а глаза пытались объять необъятное. Темп взял умеренный, в утренней спешке так легче заметить тех, кто придерживался скорости Димы. Периодически, как бы невзначай, он оглядывался, на затылке-то глаз не установлено, но... и за спиной никого не замечал. После тридцатиминутной «прогулки» понял: опаздывает. Дима вскочил в последний момент в троллейбус на заднюю площадку, повернулся к широкому окну лицом и зорко высматривал – едет ли за троллейбусом знакомый мерс... Не ехал. Робкая надежда шевельнулась: его беспокойство – неумеренная фантазия...

В настоящий момент она смотрела на него...

...с некоторым удивлением и не более того, других эмоций на лице Артур не заметил, а они должны быть, как он понимал.

– Здравствуй, – сказал, когда подошел.

– Здравствуй, – улыбнулась она в ответ приветливо, но опять не более того, так улыбаются знакомым, с которыми ничего не связывает.

– Отлично выглядишь, – нашелся он.

И это была правда. Обтягивающее и полностью закрытое платье до колен, разумеется, черного цвета – как без черного маленького платья жить женщине, не имеющей возможности купить с десятков разноцветных нарядов? У Людмилы идеальная фигура, она сама по себе украшение, красивые ноги, милое лицо, а все остальные дополнения – неважны. Впрочем, на ней висели довольно красивые украшения из искусственного жемчуга, заплетенного в цветы и всяческие завитки. Правда, всего этого дешевого добра было много: и заколка в волосах, и серьги до плеч, и браслеты на обеих руках, и ожерелье, закрывающее грудь, – какой-то цыганский набор, правда, выдержан в одном стиле.

– А ты выглядишь не очень, извини, – ответила Люда на комплимент, – вид у тебя замороженный. Только сейчас пришел? К сожалению, опоздал, мы закругляемся. Там шампанское, пойдем, угощу тебя.

Артур поплелся за ней к углу, где стоял стол с бутылками, стаканами, конфетами и нарезанными на дольки фруктами, ему совсем не хотелось пить спиртное, но стакан взял. И не знал, как вести себя дальше, сейчас что ни скажи – будет невпопад. А ее, кажется, несколько не смущала встреча, общей темы не нашлось, она и сказала:

– Отдыхай, а я пойду...

– Не уходи! – вырвалось у него, он даже осмелился за руку ее взять, что не понравилось ей. – Извини...

– Люся! – выручила молодая женщина, подбежав к ним. – Прости, но мы едем домой, ребенок с соседкой, ему спать пора. Классно все было! До завтра.

И убежала к выходу, где ее ждал мужчина или муж.

– Покажи свои работы, – не затягивая паузу, попросил Артур и, когда она согласно кивнула, снова пошел за ней. – Ты взяла псевдоним?

– Люсей меня звали в детстве, – пояснила она, – но звучит простовато. А название бренда должно сочетать три условия: быть благозвучным, легко запоминаться и привлекать чем-то необычным. У меня необычно – кириллица с латиницей, так получился мой бренд – «Люсия-Lucia», есть короче вариант: «Л-L», я пока не определилась.

– Украшения? – заинтересовался Артур, будто ему они нужны.

А как раз подошли к витрине, где на подставках красовались серьги, браслеты, кольца, ожерелья из странных материалов и в странном сочетании – кожа, стекло, полудрагоценные камни, металл, прозрачные подвески. Украшениям присвоены названия – наивные и претенциозные, загадочные и с историческим флером, как, например, «Царица Египта» или «Мадам Помпадур».

– Красиво, – похвалил Артур. – И необычно.

– Но это же авторские украшения. А еще все, что на мне, тоже плод моей фантазии и рук, я сама как стенд, ну, чтоб наглядней было. Конечно, это бижутерия, но она сейчас модная. В планах есть намерение научиться ювелирному искусству, подкоплю денег и поеду на курсы. Еще аксессуары делаю, они на другой витрине... сумочки тоже пробую... в общем, тружусь, ищу свое поприще. А что у тебя с лицом?

Он слегка наклонился к полкам, чтобы лучше рассмотреть, услышав вопрос, машинально дотронулся кончиками пальцев до ранки на скуле, ответил с поражающей беспечностью:

– Ай, в меня стреляли сегодня...

– Хм! Ты так говоришь... В тебя каждый день стреляют?

Артур выпрямился, повернулся к Людмиле – такого милого, безоблачного, светлого с открытым взглядом лица он давно не видел, при всем при том в ней многое изменилось, он пока не мог понять – что конкретно. В зале заметно стало тише, просто потому, что народу поубавилось, и ему пришлось задать дежурный вопрос, лишь бы не дать убежать Людмиле, хоть как-то задержать ее:

– Как живешь?

– Хорошо, – улыбнулась она.

И он поверил: она сказала правду, ей действительно хорошо. А ему плохо. Если б кто знал, как ему плохо! И винить-то некого, кроме себя. Однако ей позвонили. Людмила достала из сумочки смартфон и, увидев, кто звонит, отвернулась от Артура, словно хотела спрятаться, но он успел заметить, как мгновенно ее хорошенькое личико осветило счастье. Подделать счастье, изобразить его присутствие в душе, даже артистам не под силу, во всяком случае, редко удается.

– Алло, почему так долго? – тем временем тараторила она в трубку. – Все прошло прекрасно, три работы покупают, одну заказали из тех, что купили, но праздник у меня был неполным... Не догадываешься? Потому что тебя не было со мной... Ладно, прощаю, приезжай быстрее... Угу, жду.

Людмила чмокнула трубку, повернулась к Артуру, на ее щеках появился румянец, глаза отрешенные – она еще под впечатлением телефонного диалога. Он все понял, но спросил:

– У тебя кто-то есть?

– А у меня не должно никого быть? – изумленно подняла она брови.

– Нет, я просто... – смутился он.

– Я выхожу замуж, вот...

Люда подняла кисть правой руки и пошевелила безымянным пальцем, на котором сверкнул крошечный камешек на тонком золотом обруче – немудрено, что Артур сразу не заметил. Демонстрацией кольца она ставила жирную точку, не решаясь прямо сказать: уходи и нико-

гда больше не появляйся в моем пространстве. Он осторожно взял ее руку, с полминуты рассматривал блестящую росинку, а по правде говоря, держал теплую ладонь, чтобы это тепло согрело его, и с сожалением вымолвил:

– Дешевенькое...

– Господи, – убрала она со смешком руку, – давно ли ты стал разбираться, где дешево, а где дорого? Думаю, ты внес в свою голову лишнюю путаницу, но не понял настоящей цены. Мое кольцо бесценно, если бы оно было вылитое из простого железа, и тогда не потеряло своей невообразимой ценности для меня, только для меня. Вместе с ним мой будущий муж подарил мне себя – что еще может быть дороже этого? А теперь извини, мне пора собираться. Рада была тебя видеть. Пока.

Он смотрел ей вслед, а Людочка по пути к выходу с кем-то прощалась за руку, кого-то обнимала, кому-то всего лишь махала или посылала воздушный поцелуй, но ни разу не оглянулась. Артур тоже поспешил к выходу, появилось желание увидеть того, кто на расстоянии способен вызывать у нее трепет и румянец. Главное, опередить ее, она же должна одеться. На улицу он вышел раньше, ушел в сквер и, став за елку (нет, не прятался, просто стоял), увидел...

Людмила появилась на пороге выставочного зала, не глядя по сторонам, сразу устала туда, откуда, надо полагать, ждала жениха. Так и простояла несколько минут, глядя только в ту сторону. Подъехала машина, Люда села, поцеловала водителя в щеку, тот отдал ей букет. Уехали... После этого Артур двинул своей дорогой, теперь он знал, куда ему надо идти.

В то же время Людмила, устраиваясь в автомобиле, сказала

– Уф, наконец-то можно расслабиться. Сумасшедший день был, я безумно устала, но это приятная усталость.

Откинувшись на спинку кресла, она не спускала глаз с человека, который стал для нее смыслом, можно сказать, главным призом.

А полтора года назад, в то самое утро...

...Людочка выбежала из дома, словно ей приделали к ногам реактивные ускорители, в виски сигналило: опаздываешь, прибавь скорости! Но куда прибавлять? Час пик, автомобили в шесть рядов туда-сюда прут как бешеные, люди тоже похожи на бешеных, вероятно, сегодня все опаздывают.

– Такси... – догадалась Людочка, лихорадочно достала смартфон, но вдруг услышала:

– Садись, нимфа, довезу! Быстрее садись!

Вчерашний медведь. С дурацким именем – Тихон, жутко самоуверенный, ну, из тех, кто не ходит, а будто одолжение делает и небу, и земле, и людям одним своим существованием. А вчерашняя выходка с подглядыванием... нахал! Не достоин этот тип подвозить Людочку, еще чего! Но башенка с часами на противоположной стороне проспекта зазвенела колокольчиками, что означало: осталось пятнадцать минут до начала рабочего дня. Людочка, махнув рукой на вчерашний инцидент с подсматриванием, упала на первое пассажирское сиденье, панически выпалив:

– Мне в банк... на Монетной улице...

– Знаю, – проговорил Тихон, карауля дистанцию между автомобилями, чтобы вклиниться в общий поток. – У тебя неинтересная работа.

А то! Хотелось ей бы работать по профилю, а училась она из ничего делать шедевры. Было бы неплохо сидеть в мастерской и создавать красоту, да только на данный момент не имеет она ни места, ни материалов, ни инструментов, а ведь надо когда-то начинать, навыки-то улечиваются со временем.

– Я опаздываю... – намекнула Людочка и, запрокинув назад голову, прикрыла веки, чтобы подлые слезы не выкатились из глаз от отчаяния, одновременно зашептала, словно молитву: – Меня уволят, уволят...

– Не уволят, – заверил Тихон. – Мы коротким путем поедем.

Наконец он вырулил на проезжую часть, пару минут ехали (молча, разумеется, с ним-то говорить не о чем), потом Тихон начал петлять по улочкам и переулочкам. Люда покосилась на неожиданного и (чего уж там) нежелательного спасителя от увольнения, в голову ударила мысль: а вдруг завезет-изнасилует-убьет? Ему лет тридцать наверняка стукнуло, если не больше, глаза серые и в каждом по колючке, губы крупные и упрямые, уголки чуть опущены вниз, нос большой (не аристократичный), челюсть немного выдвинута вперед... М-да, фейс не айс, хотя многие тащатся от brutальных, эдаких самодостаточных, уверенных в своем превосходстве самцов.

Если бы Люда не встречала сына квартирной хозяйки довольно часто, то запросто приняла бы Тихона за маньяка или криминального авторитета – так ей казалось, своего первого впечатления она уже не помнила. Не исключено, что это всего лишь ее искаженное воображение, Тихон не раз одаривал ее назойливым вниманием, Людочке внимание не нравилось, ну и его взрослость тоже играла отрицательную роль. Между прочим, он ведь ни разу не оскорбил ее, значит, ее претензии надуманные, впрочем, вчерашнее беспардонное подглядывание о многом говорит. Еще что о нем знала – не женат, предприниматель чего-то там неинтересного, судя по машине, в богатстве не купается... И чего это он молчит? Явно задумал недоброе. А Тихон, оказывается, думал о том же:

– Ну и почему молчишь? Обычно трещишь без остановки, слышно даже во дворе, а иногда и на проспекте.

Насмешка в интонации завела Люду, она не подобрала приличной (не очень обидной) и остроумной колкости в ответ, но от упрёка не воздержалась:

– Ты подглядывал за мной ночью!

– И не думал, – рассмеялся Тихон. – У матери жарко, я и вышел подышать воздухом. Откуда мне было знать, что ты устроишь шоу на балконе? Как-никак два часа ночи...

– Мог бы уйти, когда увидел, но ты стоял и смотрел!

– А чего ж не посмотреть на красоту? Хе-хе-хе...

– Муж рассердился. Если узнает, что я ехала с тобой...

– Извини, что перебиваю, но, во-первых: я не собираюсь перед ним отчитываться, во-вторых, он тебе не муж, а... просто Дима. Вы не женаты.

– Какая разница! – пыхнула гневом Людочка.

И даже подпрыгнула на сиденье – насколько пустил ремень безопасности, а разве оно того стоило? Ну, что он такого сказал? Проигнорировала бы, и дело с концом, однако задела тональность, подтекст задел, намек, мол, поведение у тебя непристойное. Людочка продала себя с головой, по-ребячьи получилось с этим гневом, а следует навязанную беседу вести повзрослому, ей бы перестроиться на равнодушную волну, но она выдала типичный шаблон:

– Штатп не главное, сейчас многие сначала проверяют, насколько им комфортно вместе...

– Не главное? Ха-ха-ха-ха... – рассмеялся Тихон, он до противности веселый. – Хорошо, что так думаешь, твой подход удобен для нашего брата.

– Что ты имеешь в виду?

– Думаю, придет время – сама поймешь. Только норма, Людмила, это когда сначала женятся и дальше по ходу пьесы проверяют, а то ведь вся жизнь может уйти на одни проверки.

После ехидного смеха и назидания тоном профессора семейной академии, которого никто не просил читать лекций, Людочке расхотелось с ним спорить. Она нахохлилась, как воробей в морозный день на заледеневшей ветке, но там, глубоко внутри, куда сама не риско-

вала заглядывать, кто-то неизвестный согласился с Тихоном. И голос этого кого-то был ехидненьким, вкрадчивым, дескать, своих мозгов не имеешь, так воспользуйся чужими.

– Глупости! – ответила она вслух внутреннему существу.

– Неужто? – снова рассмеялся Тихон. – Выходи, твой банк.

– Сколько я тебе должна?

Он та-ак посмотрел на нее... потом одними глазами указал на дверцу, в результате Людочке стало неловко. Смущенно буркнув «спасибо», она вылетела из машины, взбежала по ступенькам, а у входа, взявшись за дверную ручку, оглянулась. Тихон успел развернуться и скрыться в переулке, от него осталось... сомнение внутри.

– Боже, что за народ кругом! – возвела она очи к голубому небу. – Всем надо указать, как жить и что делать! Кругом одни святые провокаторы...

– Люда, не стой, проходи! – толкнула ее еще одна опаздывающая.

Обе вбежали в отделение банка и... какая досада – столкнулись с заведующей! Каланча без лица и фигуры в узкой юбке, скрестив на груди руки и стоя с поджатым ртом, возвышалась посреди зала, как пограничный столб.

– Пробки, – робко оправдалась Людочка извиняющимся тоном.

– Сплошные... – подтвердила Зара, преданно тараща глаза серны.

– Вы обязаны приходиться за пять минут до открытия, а пришли за четыре, – процедила заведующая, не разжимая тонюсеньких губ. – Вы опоздали на минуту, у вас теперь нет времени на подготовку.

Обеих девушек посетила одна банальная мысль: если б каланча еще и не задерживала, девушки успели бы не только подготовиться, но и отдышаться после перенапряжения. Но заведующей важна сама возможность обозначить свое превосходство, хотя в наличии ничтожный повод:

– У Зары первое нарекание, у Людмилы второе. После третьего вы, Людмила, будете уволены за дисциплинарные нарушения.

В тот миг Людочка подумала, что каланча похожа на доисторическую зверюгу, которой нужно живое мясо! Девушки отправились на рабочие места, не смея переговариваться – здесь же камеры! Обе успели надеть форменные жилеты и повязать на шеи косынки, Людочка плюхнулась на стул и переводила дух... а на паузу времени уже нет: раздался сигнал, означавший, что банк открыт для клиентов. И не было никаких знаков о грядущих переменах...

Артур устроился за рабочим столом...

...приятеля Савелия Ярцева, натура он неоднозначная, но все же больше положительная. Одновременно Савелий являлся и его личным адвокатом, именно к нему он пришел после выставочного зала. Время от времени Артур смотрел в окно, стекла которого касались с той стороны обглоданные ветром ветки, они раскачивались, редкие листья испуганно трепетали. Осень, конец октября... На душе так же уныло, как беспричинно уныло бывает только в осеннюю слякотную и неприятную погоду, когда выходишь из теплого дома и попадаешь в туманную сырость. Но сегодняшняя унылость имела другую причину и серьезнейшую. Так куда же еще Артуру податься, как не к адвокату? Он слегка раскачивался в кресле, трогая чернильный прибор пальцем, и слушал Савелия, метавшегося по кабинету:

– Ты с ума сошел! Ты что наделал?! Уйти с места убийства... О, нет! Ты совсем безграмотный, безмозглый, да?

– А что надо было делать? – спросил вяло Артур.

– Полицию вызвать! – гаркнул Ярцев, упав пятернями на стол. – Сразу! Как только понял, что Клара убита.

Артур поднял на него глаза побитой и бездомной собаки, при всем при том виноватые-виноватые. Савелий чуть старше, года на два, круглолицый барчук, как сказала бы покойная бабушка, без растительности на подбородке, небольшого роста, с лишним весом, но энергия из него прет фонтаном, отчего он быстро утомляет. Лицо Ярцева искажил гнев, а выпуклые светло-голубые глаза с плавающими внутри зрачками остались пустыми и холодными. Артур относительно пришел в себя, но тем не менее был меланхоличным и апатичным, словно выжатый лимон.

– Я испугался... – сказал просто.

– Струсил! – уколол его Савелий.

– Пусть так, – не возражал Артур. – Мы были с ней одни, выстрелил тот человек с близкого расстояния, он ведь на балконе находился. Что подумает полиция, следки? А подумают, убил Клару я.

– Что бы ни подумали следователи, тебе все равно придется давать показания, но твой побег теперь восприниматься будет как отягчающий фактор. Какая глупая, непростительная ошибка! – Савелий снова заходил по кабинету, словно искал по углам притаившийся выход. – Ну почему, почему ты решил, что в следствии работают олухи?! Это заблуждение. Вызвал бы по горячим следам... А почему мне не позвонил? Это же элементарно! Я бы сразу приехал.

– Я не помню, что делал. Очнулся уже в центре города...

– Ага, теперь расскажи это следствию! Знаешь, ты ни с какого бока не тянешь на экзальтированного хлопца. Не помнит он...

Савелий упал в кресло, вытянул ноги, переплел пальцы рук на выступающем животике и замер. Пока адвокат думал, каким образом выйти без потерь из создавшегося положения, Артур рассматривал кабинет, будто впервые попал сюда. Нет, просто по-новому его воспринимал сегодня.

Папа Савелия был адвокатом, дедушка юристом, прадедушка... у них семейственное увлечение то ли законом, то ли деньгами, которые получали, лавируя между статьями кодексов. Квартиру в старом и крепком доме родители отдали сыну, сами переехали в загородный дом, этот кабинет остался таким, каким его обустроил еще дед. Мебель старинная в стиле Буля, книг валом, всякой сувенирной фигни, собирающей пыль, полно, однако потомки дедушки-юриста гордились кабинетным хламом, семейными историями и традициями.

– Значит, так! – подал голос из кресла Савелий. – Надо ехать к тебе...

– Не сейчас, – нахмурился Артур. – Не могу. Я заночую у тебя, ладно? Ну, какая теперь разница, когда мы приедем и вызовем полицию?

– Тогда рано утром отправимся, я осмотрюсь хотя бы. И полицию, конечно, вызовем, без этого не обойтись. Уйдешь в бега, убийство сразу повесят на тебя, это без вариантов.

– А не убежав, не стану убийцей?

– Буду убеждать, что пришел ты ко мне невменяемым...

– Я заходил в выставочный зал примерно в девять.

– Куда?! – вытаращился Савелий. – В выставо... Что ты там забыл?!

– Проходил мимо, увидел на рекламном щите фотку Людаши, – потупился Артур. Не хотелось ему говорить о встрече с ней, но ситуация не та, чтобы скрывать. – Она выставила свои работы, плетет сережки-брошки... она же на прикладном факультете училась. К моему появлению как раз закруглялись.

– Говорил с ней?

– Говорил. Немного.

– Ну и ладно, что уж теперь... В случае чего, я переговорю с Людой, уверен, она тебе не нагадит, несмотря ни на что. Если голоден, иди на кухню, сам найдешь, чем поживиться, а не голоден – топай спать. Я еще подумаю, как быть.

Артур ушел в комнату для гостей, снял свитер, оставшись в рубашке и брюках, улегся на диван, не постелив постель. Он закинул руки за голову, смотрел в потолок, уносясь назад, к отправной точке, которая кардинально изменила его, и, может быть, произошедшее сейчас – это отголосок того шага...

И однажды вечером полтора года назад...

...Людочка, положив на его кисть свою ладошку, тихо замурлыкала:

– Ау... Димочка... ты где?..

– А?.. Что?.. – встрепенулся он, захлопав непонимающими глазами.

– Ужин на столе. Остывает.

Только после напоминания Дима заметил, что перед ним тарелка, на ней картофель, по которому расплылся белый соус, и кусок курицы с сырной корочкой, на столе – салат, тонко нарезанный хлеб, ваза с фруктами. Он не помогал ей, а, как правило, они вдвоем готовят ужин, сегодня Людочка трудилась в одиночестве.

– Извини, задумался...

– Вижу. – Она положила на его тарелку горку салата, попутно выведывая, но так, чтобы не очень наседать: – Я давно заметила, ты чем-то озабочен, а сегодня особенно, сам не свой. И думаю: что же произошло с моим Димкой? Интересно, он ответит мне или промолчит, потому что не любит жаловаться?

– Кто? Кто ответит? Ты про что?

Вот теперь у Людочки вытянулось славненькое личико, она несколько опешила, так как рассеянным, витающим в иных мирах, никогда не видела Диму. Он позитивный, не склонный к самокопанию и прочим интеллектуальным вывертам, прост в общении, активный, но этим вечером – будто из него выпили все соки. И вдруг Людочка поняла, что случилось:

– Заболел! – Она подскочила со стула, наклонилась, достала губами его лба и снова села на место, озадачившись. – Температуры как будто нет.

– Неважное самочувствие не обязательно приходит с температурой. Видимо, я надыхался выхлопными газами... Пойду... прилягу, ладно?

– Но ты ничего не ел...

– Не хочется.

Дима ушел в их спальню, разделся и лег. Он не устал, не заболел, не надыхался выхлопными газами, но с ним кое-что произошло в тот день. Многого Дима не понимал, только чувствовал: наступают перемены, кстати, он очень хотел перемен, однако не ожидал, что нагрянут они вот так и внезапно.

Воображение вернуло его на автомойку, которую нагло поставили в оживленном районе, жители многоэтажек строчили жалобы в администрацию города: мол, мешает, загазованность, химия, для детей вредно и еще много пунктов написали в том же духе. Хозяин успешно держал оборону и, когда его не слышали жильцы высоток, посылал их матерными конструкциями от всей торжествующей душонки. По правде говоря, в подобном формате существовать крайне трудно, ведь среда всасывает в себя, как гигантская губка, постепенно перетирает, удержаться на достигнутой ранее высоте почти невозможно. Ее-то, высоту, Дима терял с каждым проведенным здесь днем.

Как обычно, он выполнял бессмысленную работу, к нелюбимому занятию присоединилось тревожное состояние, в голове укоренилось: они (троица и явно не святая) где-то здесь... Попадая за стены автомойки, сколько ни всматривался в окружающие автомобили, знакомого мерса не находил, и постепенно напряжение отпускало его. Логика привела к несложному выводу: вероятно, троица живет неподалеку от его квартиры, поэтому встречается чаще именно в районе проспекта, а богатая фантазия насочиняла триллер.

Недолго Дима наслаждался покоем, во второй половине дня при отсутствии клиентов, выйдя на площадку перед автомойкой, он по привычке огляделся и... екнуло сердце. Перед мойкой раскинулось небольшое автокольцо, а середину засеяли травкой, посадили деревья, однако прижились не все, от некоторых остались сухие палки. Но не это главное. Знакомый вороной масти мерс нагло залез боковыми колесами на газон с противоположной стороны, в окнах автомобиля торчали две головы, одна с биноклем, направленным прямиком на автомойку, а не куда-то в сторону или на высотки.

Диму переключило. Ему даже с духом не надо было собираться, он просто ступил на проезжую часть с решимостью драчуна, перешел дорогу и зашагал по зелененькой весенней травке, пересекая лужайку. По мере приближения разглядел, что в бинокль смотрела женщина, она и не подумала убрать прибор, беспардонно направленный на него. Разве могло это не злить?

– Спасибо, что не снайперскую винтовку выставила, – зло процедил Дима. – Тупая дура (это его любимое определение недалеких женщин).

Остановился в паре метров от автомобиля, уставился точно на бинокль, водрузив руки на бедра и выставив одну ногу слегка вперед, что было похоже на вызов, чего, собственно, он и добивался. На языке вертелись словосочетания из репертуара хозяина автомойки, но Дима не позволил себе сорваться, он просто выжидал. И дождался. Дама опустила бинокль, на ее накрашенных алой помадой губах застыла полуулыбка, глаза она спрятала за прищуром, а в них все равно просматривалось торжество – с чего бы это? Издалека дама выглядела моложе, вблизи оказалась старше, ей где-то в районе сорока пяти, она довольно эффектная, несмотря на яркую роспись косметикой, которую он воспринимал на лицах зрелых дам пошлой живописью. Теперь выжидала дама, бровки слегка приподняла, мол, что скажешь? И Дима сказал в резком тоне:

– Господа, простите, что помешал вашему отдыху в нашем оазисе выхлопных газов, но меня мучает вопрос. Мы с вами слишком часто встречаемся, вы преследуете меня или мне показалось?

– Садись, – пригласила женщина.

Открыв заднюю дверцу, она подвинулась, освободив ему место рядом с собой, но Дима остался стоять. Он был в некотором замешательстве, тогда как его голова, живя в нервическом ритме, лихорадочно соображала: кто это, зачем они здесь, что надо им? А ведь надо, раз получил приглашение сесть в машину. Первое пассажирское сиденье занимал благообразный пожилой мужчина с белыми волосами, зачесанными назад, и усами, на его носу красовались очки в массивной роговой оправе. Когда Дима подошел к мерсу, он отвернулся к лобовому стеклу, да так и сидел молча с гордо посаженной головой.

– Не бойся, – сказала женщина, – мы не съедим тебя, садись.

Не стал Дима хорохориться, мол, а я не боюсь, потому что на самом деле боялся, эта стыдная правда умрет вместе с ним. Но любопытство – у, какая мощная и темная сила, подчиняющая разум! Следовало отказаться! Нет, Дима, бросив взгляд назад и увидев, что коллеги по несчастью (мойку счастьем не назовешь) наблюдали за ним, с готовностью к любым поворотам упал на сиденье. М-да, любопытство... Никогда Дима не думал, что подвержен такому примитивному пороку, однако дверцу оставил приоткрытой, в случае непредвиденных маневров троицы – успеет выскочить. Мысль о похищении, конечно, посетила! Может, этим людям органы здорового парня понадобились, но не станут же они увозить его на глазах всей автомойки!

– Слушаю вас, – сказал он абсолютно ровным голосом и посмотрел в упор на даму, к лицу которой приросла полуулыбка гиены, как ему казалось.

Мысленно Дима похвалил себя за самообладание, однако его серьезно потряхивало, потому что вся эта постановка со слезкой слишком... надуманная, вычурная, грубая. Разумеется, сейчас следопыты начнут врать, решил он.

– Меня зовут Фрида, – представилась дама. – Впереди тебя сидит Юрий Васильевич, а за рулем Гектор. Можешь не представляться, тебя мы знаем. Родился в Сургуте, там же и поныне проживает мать, рос без отца, учился на отлично, поступил в университет на факультет «Инновационный бизнес и менеджмент». Не солидно с престижной профессией мыть машины, м?

– И дальше что? – напустил на себя равнодушный вид Дима.

– Дальше? Работы по специальности ты не нашел, живешь с девочкой, тоже неудачницей, – выложила она последний пункт его биографии. – У нас, Дмитрий, есть интересное предложение, очень выгодное для тебя, подчеркиваю: оч-ч-чень.

– Первый раз слышу, чтобы совершенно незнакомые люди заботились о выгоде таких же незнакомых им людей.

– Но так бывает иногда. В исключительных случаях.

– Ладно, считайте, я поверил. Вы поторопитесь, а то у меня работа, могу не узнать про все свои выгоды.

Фрида, видимо, настроилась на долгие переговоры, поэтому приняла вальяжную позу: оперлась спиной о дверцу, чтобы лучше видеть молодого человека, демонстрирующего недружелюбие, умудрилась и ногу на ногу закинуть. Она явно приготовилась обрабатывать клиента, отсюда и тон взяла родной мамочки, крайне озабоченной положением сынули:

– Ты называешь тот сарай, который скоро снесут, работой? Это издевательство над твоим образованием, интеллектом, над твоей внешностью, в конце концов. Это полный тупик (как будто тупик бывает половинчатым). После того сарая попасть на престижную должность невозможно, ведь любого работодателя будет интересовать предыдущее место работы соискателя. А что скажешь ты? Я мыл машины?

Кудахтала она подозрительно сладко, а Диму вся компания, кажется, принимала за лоха, которому вешай лапшу килограммами – он будет снимать ее с ушей и кушать. Дима решил ускорить странный диалог, чтобы выяснить конечную цель, да не смог удержаться от скепсиса:

– Как я понял, вы хотите предложить мне достойную работу? Неужели меня ждет приглашение в кино? Чё, на главную роль? С моей-то внешностью!

– Нет, круче, мальчик, круче.

– Фрида! – не оборачиваясь, подал недовольный голос с первого сиденья Юрий Васильевич. – Давай без лирики.

Она учла пожелание своего спутника и заговорила серьезно:

– Скажи, ты когда-нибудь выигрывал крупную сумму?

– Никогда, – дал честный ответ Дима.

– Считай, что ты выиграл двести миллионов.

– Да ну! – сделал он квадратные глаза, притом ничуть не удивившись. – Я – за, давайте.

И протянул обе руки к Фриде, прекрасно понимая, что вожделенных миллионов не получит, а потому улыбался во весь рот, давая понять им: лохов придется искать в другом месте. Но дамочка не из тех, кого легко смутить, она мгновенно нашлась, а может, у нее были заготовки:

– Понимаю, тебе сложно поверить в выигрыш, ты теряешься в догадках... А знаешь, что? Давай встретимся прямо сегодня и поговорим в более комфортной обстановке, тебе все станет ясно, но решать-то будешь ты – соглашаться на выигрыш или отказаться от него. А здесь не место и не время обсуждать серьезные вопросы. Встретимся часов в шесть? Если работа заканчивается позже, отпросись. Можешь быть спокоен, тебе не грозит ловушка, да и что с тебя взять-то? В шесть вечера светло, кругом люди бродят даже в престижных районах, к тому же камеры видеонаблюдения там имеются. А чтобы ты не подозревал нас в коварных замыслах, если сомневаешься и боишься, что естественно и совсем не стыдно в данной ситуации, то попроси кого-нибудь снять на видео, как ты сядешь в эту машину и уедешь. А когда прие-

дешь на место, позвонишь другу и скажешь адрес. Держи... Это на всякий случай, вдруг будут обстоятельства, когда понадобится связаться с нами.

Она протянула визитку и Дима... взял ее. Взял, не подумав, механически, словно под воздействием гипноза потеряв волю. По инерции он вышел из машины и смотрел вслед мерсу со смешанными чувствами, так и не вычислив их цель, а хотелось бы понять, чего от него хотят. Но ударная бомба ждала его впереди!

И вот поздним вечером того же дня, отказавшись от ужина, лежа на кровати, он в сотый раз изучал визитку с ажурным тиснением и мучился: верить или не верить тому, что было? Он ведь...

Шаги! Дима сунул визитку под подушку, когда же Людочка вошла в комнату, закрыл глаза, притворившись спящим. На цыпочках она приблизилась к нему, взяла из его руки смартфон и положила на прикроватную тумбочку – гаджет характерно цокнул о пустой стакан. Дима по ночам пил воду и ставил на тумбочку стакан, в тот вечер забыл это сделать.

Людочка упорхнула из комнаты, он открыл глаза, повернулся на бок, взгляд остановился на тумбочке – стакана там не было, значит, Людаша забрала. Сейчас она принесет воду и заботливо поставит на тумбочку, потом тихонечко ляжет рядом и прижмется к нему осторожно, чтобы не разбудить.

Людаша вернулась и сделала, как он предвидел: поставила стакан, забралась под одеяло, выключила настольную лампу и прижалась к нему. Дима повернулся к ней лицом и якобы во сне тоже обнял, он любил вот так засыпать – в обнимку с ней. Людаша чудо, безупречная половина, которую мечтает найти всякий адекватный мужчина, чтобы пройти с ней весь путь до старости и знать: у него есть надежный тыл, где поймут, успокоят, помогут, приласкают. Это чудо досталось Диме, ему повезло, но... Кое-что в тот день изменилось: он был на встрече, его поставили перед жестким выбором, очень тяжелым, отсюда и странное поведение с настроением, которые Людочка приняла за болезнь.

Начало нового дня вернуло Артура...

...из прошлого в сегодняшнее время, он очнулся ото сна и не понимал, где находится. Рассвет наступает поздно, со всех сторон его окружала темнота, но за окном уже светлело и по очертаниям мебели стало, наконец, ясно, в каком он месте – у Савелия дома. Артур пожалел, что проснулся – явь непредсказуема, тем и страшна, мгновенно вчерашний вечер припомнился в деталях, отсюда новый день не принес ни единого просвета, ни мало-мальской надежды. Вскоре он вздрогнул от окрика:

– Артур! Просыпайся!

– Я не сплю, – отозвался он, поднимаясь.

Семь утра? Значит, спал часа два, никаких снов не видел, только иногда из черноты возникали лица, кого он любил и кого успел возненавидеть, но сразу же и таяли, оставляя в душе горький привкус раскаяния.

Выпили по чашке кофе и поехали к Артуру, бедняга всю дорогу молился, чтобы труп Клары исчез – все равно каким образом, хоть пешком ушел, хоть его выкрали, хоть растворился, но чтобы исчез бесследно и безвозвратно. Машину Савелий поставил во дворе, предположив, что в доме Артура придется пробыть довольно долго, не имело смысла оставлять недешевого железного коня за оградой, и оба свободно зашли в особняк.

– Ты что, оставил дверь открытой? – удивился Савелий.

– Видимо, да, – признал факт Артур, пряча в карман не понадобившиеся ключи. – Я просто ничего не помню, совсем ничего.

– Плохо, плохо...

– Ты о чем? Что плохо? – занервничал Артур.

В сложившихся обстоятельствах он ощущал себя безжизненным, недееспособным и сиротливым созданием, потерявшимся в пространстве и во времени. Но, несмотря ни на что, чувство самосохранения работало безотказно, поэтому он хотел знать наперед – откуда ждать удара.

А Савелий махнул рукой, мол, иди за мной, не пояснив, что имел в виду под словом «плохо», и стал подниматься на второй уровень. Артур плелся за ним, его нутро кричало небу: «Бог! Если ты есть, перенеси Клару в другое место, иначе никогда не буду верить в тебя!»

Бог проигнорировал ультиматум, ибо труп лежал на прежнем месте, глядя в потолок бессмысленными глазами с той лишь разницей, что теперь стало явственно видно: из этого тела жизнь ушла. И Артур, чувствуя, как внутри все оборвалось, облокотился о дверной косяк, не желая ни входить, ни смотреть на труп Клары. Тем временем Савелий, стараясь не наступить на лужицу крови, прикрыл убитую ниже пояса лапами халата и вызвал по телефону полицию.

– Хм... – прохаживаясь по спальне и осматривая все углы со стенами, произнес он. – Убийца с балкона стрелял, так?

– Как стрелял, я не видел, – сказал Артур. – В шесть-семь вечера уже темно, он слился с фоном. Но я видел, как он спрыгнул с балкона.

– А лицо?

– Нет, не видел, – напрягал память Артур. – Думаю, он был в маске или в чем-то наподобие маски, потому что выглядел как сплошная тень.

Савелий вышел на балкон, рассуждая вслух:

– Значит, Клара раздернула шторы, открыла балконную дверь... Артур, скажи, а через какое время раздался выстрел?

– Выстрела я не слышал, – напомнил тот.

– Знаю, знаю. Ну, бокал разбился через какое время? Клара его выронила, когда в нее попала пуля – я так себе это представляю. Припоминай: открыла дверь, разбился бокал... Сосредоточься на звуках, подумай, сколько между двумя этими звуковыми точками прошло времени?

– Минута, мне кажется.

– Минута... Минута... – осматривая балкон, повторял Савелий, словно заевшая пластинка, которую царапает игла музейного патефона.

– Послушай, Савелий, – разволновался Артур, – может, сказать им, что я был внизу и не видел, не слышал, как убили Клару?

– Все равно вычислят, что на момент убийства ты находился здесь, – расстроил его Савелий. – К примеру, каплю крови найдут на полу или на кровати – в тебя ведь попал осколок лампы, короче, будет только хуже. Ты и так вчера свалил отсюда, одного этого достаточно, чтобы серьезно осложнить тебе жизнь.

– Значит, дела мои неважные...

– Не люблю заранее делать прогнозы, но повозиться придется – кто спорит? Смотря кто во главе группы придет, есть вполне адекватные мужики, которые любят докапываться до истины, а есть... сам знаешь, случайные люди.

– Случайные в такой серьезной сфере? Тогда это катастрофа, ни полицейский, ни пилот, ни врач не могут быть случайными, от них зависит жизнь. Господи, я же не виноват в этой смерти...

– Главное, не суетись, обдумывай каждое слово и... и говори правду, но! Когда спрашивают. А так – молчи, тогда не запутаешься. Я буду говорить. В случае если попадется упрямый козел, свяжусь с приятелем, он поможет выкрутиться за некоторую благодарность. Не кисни, ты хотя бы откупиться можешь, а представь: на твоём месте человек без бабок – как ему, а? Пойдем вниз ждать. Но помимо всего думай, кто заинтересован в смерти Клары, она должна была

с тобой делиться своими бизнес-лядскими проблемами, у барышни после папочки осталось состояние неприличных размеров, может, это ключ к убийству? Может, стреляли в деньги?

– Если она и делилась, я не слушал, неинтересно было, – признался Артур, к тому времени спускаясь по лестнице. – Ты же знаешь, какая она... Последнее время я органически не переваривал ее... да и не любил никогда! Только она сама делала все, чтобы к ней росло отвращение.

Савелий шел первым, услышав словесный кошмар, развернулся лицом к Артуру и, глядя на того снизу вверх, предупредительно выставил указательный палец, ткнув в грудь друга:

– Не вздумай, слышишь? Не вздумай всю эту муть выложить следаку, иначе тебе никто, даже такой гений изворотливости, как я, не поможет. Но и не выдавай восторгов по поводу Клары, фальшь за версту видна. Ты понял?

– Я не идиот, – оскорбился Артур.

– Да? А я иногда сомневаюсь. Надо признать, убийство, дерзкое...

– В чем ты видишь дерзость?

Артур соображал неважно, в его голове параллельно бурлили две мысли: одна копалась в памяти, перебирая все возможные причины убийства Клары, другая – истязала риторическим вопросом: почему именно с ним это случилось? Но все, что говорил Савелий, он слышал, стало быть, третьим планом включался в реальность. На этот раз Савелий оставил его без ответа, определив по шуму:

– Готовься, ментазавры приехали.

И началось. Савелий отвел в спальню следственную группу, Артур остался в гостиной, ему невмоготу было снова видеть Клару, а она все равно стояла перед взором, то есть лежала. Сколько прошло времени, он не знал, только ощутив острый приступ голода, отправился на кухню, кстати, Савелий позвонил повару с домработницей и попросил обоих сегодня не приходить. Впрочем, их в любом случае будут допрашивать, но раньше Савелий переговорит с ними, чтобы пели в унисон и не навредили хозяину.

Артур сварил кофе целую бадью, сделал бутерброд, но... вспомнил Клару, лужицу крови, вытекающую из-под нее, после видения кусок не полез в рот. Прибежал паренек из группы и пригласил его в гостиную, где ждал следователь по фамилии Черновол. Он стоял как командор на палубе корабля, широко расставив ноги, вздернув кверху подбородок и заложив руки за спину, стоял перед картиной на стене, изображавшей зимний лес. Заслышав шум, следователь повернулся к входящим и первым делом спросил, кивнув назад:

– Подлинник?

К чему спрашивать про какую-то картину?

– Не знаю, – буркнул Артур, усаживаясь в кресло.

Он действительно не знал, потому что не покупал ее, все полотна куплены не им. Черновол опустился в кресло напротив, пристально изучая хозяина дома.

– Но вы же платили, – сказал.

– Не я, – признался Артур. – Давайте лучше о том, что случилось.

– Прагматичный подход, – заметил следак, будто в данном случае подход может быть еще какой-то. И улыбнулся – широко, открыто, наверное, улыбкой демонстрировал доверие с дружелюбием, получилось фальшивенько.

Как человек, ожидающий подвоха в каждом случайном шорохе, Артур присмотрелся к нему пристрастно и что? Сорокапятилетний (примерно) и сухощавый Черновол с простым лицом работника (сантехника, сварщика, ассенизатора), но ни разу не интеллектуала, разочаровал его. Глядя в скуластое, с болезненно впалыми щеками лицо, сначала замечаешь жесткие черные волосы с проседью. Потом взгляд перемещается на крупный нос с широкими крыльями, далее на тонкие губы, настолько тонкие, что их не видно, одна прямая линия рта осталась. В этом лице не было главного – живой искры, подобный тип долго в истории с Кла-

рой копаться вряд ли будет. Тот тоже с интересом изучал красивого молодого человека, может, даже завидовал, потому и задал бестактный вопрос:

– Скажите, почему вы женились на Кларе Байдуган?

– Странный вопрос, – опешил Артур.

– Все нет. Насколько мне известно, вы человек состоятельный, молодой, внешность у вас завидная, уверен, вы пользуетесь колоссальным успехом у женщин. И ваша жена... м-да. Нет, она превосходит вас в состоянии, вы всего лишь рублевый миллионер, а у нее – полтора миллиарда долларов, на мой непросвещенный взгляд, это единственное достоинство Клары Байдуган. К тому же она много старше вас, не говоря о весьма скромной внешности.

Артур шкурой почувал: следак готовит ловушку, от этой мысли его в пот бросило, но тут в самый подходящий момент голос Савелия выручил:

– Вы, господин следователь, слишком тривиально подходите к достоинствам и недостаткам человека, существуют и другие качества, достойные уважения, любви, почитания. Артур, запомни: ты имеешь полное право отказаться от дачи показаний без адвоката, то есть без меня.

Плюхнувшись в третье кресло вокруг инкрустированного столика, он схлестнулся взглядом с Черноволом, но в отличие от следователя излучал клиническое дружелюбие, будто встретил родного брата:

– Извините, господин следователь, я не помешал?

– Разумеется, помешали, – сдержанно проскрипел Черновол. – Я продолжу с вашего разрешения? Итак, Артур Юрьевич, ответьте, что же вас связывало с женщиной, которая проигрывает рядом с вами и сильно?

За полтора года жизни в лучах тотальной удачи Артур, как ни странно, научился искусно врать и не чувствовать при этом дискомфорта или угрызений совести, потому ответил, не задумываясь:

– Любовь. Что вы так смотрите... странно?

– Да потому что не верю, – не скрыл своего отношения Черновол.

– Тогда это ваши проблемы, – заерзал Артур, – другого ответа у меня нет и, уж извините, не будет.

– Что ж, принято, – не спорил Черновол. – Итак, убийца выстрелил и в вас, но не попал... Как думаете – почему?

– У него и спросите, когда поймаете.

– Ловить его мы хотели бы с вашей помощью, а вы не настроены нам помогать, отвечаете уклончиво, по сути, увиливаете.

– Стоп, стоп, стоп! – подал голос Савелий. – Увиливание есть ложь, у вас нет повода уличить моего клиента во лжи.

– Да что вы! – слегка наигранно удивился Черновол. – Тогда ответьте, Артур Юрьевич, на совсем простой вопрос: почему вы не вызвали полицию сразу после убийства жены?

Ух... вопросик на засыпку! Как ни обговаривали с Савелием нюансы, которые могли возникнуть в результате дачи показаний, а однозначного ответа Артур не мог предоставить. Он лишь опустил голову, чтобы не было видно по мимике, как лихорадочно подбирает нужные слова, способные убедить следователя! Однако Савелий снова выручил, перехватив инициативу:

– У него был шок, состояние аффекта, другой реакции, знаете ли, сложно ожидать – ведь на его глазах застрелили жену. Мой клиент забыл даже дом запереть, ушел куда глаза глядят...

– Вы сейчас подсказываете ответ клиенту, – уличил его Черновол на спокойной ноте. – А кто подтвердит, что дом был не заперт? Только вы, господин адвокат, вы, которому Артур Юрьевич ежемесячно выплачивает гонорар?

– Но так и было! – вскинулся вдовец. – Я не помню ничего: как уходил, когда и зачем, очнулся уже в центре города... Ну, не помню, как это случилось! Машина в гараже, значит, я шел пешком... но и этого не помню...

Нет, следовательно не верил ни словам, которые ничего не стоят в современном мире, ни искренним интонациям. Артур и не стал распространяться дальше по поводу своего вчерашнего состояния, чертовски противно, когда вынуждают оправдываться, притом усиленно навязывая ощущение вины. Но все отвлеклись, потому что вошел оперативник лет тридцати пяти, отдал Черноволу пистолет в целлофановом пакете, сообщив:

– Обнаружен в гардеробной, лежал завернутым в полотенце в одном из ящичков. Пневматика, модифицирован для стрельбы настоящими пулями, явно оснащен глушителем – в стволе имеется резьба, но пока глушителя не нашли. Отпечатков не обнаружено.

Черновол поднял пакет с пистолетом, разглядывая его со всех сторон, будто никогда не видел подобной диковинки, только через длинную паузу, скосив пронизательные глаза, спросил Артура:

– Ваш пистолет?

– Н-нет-т, – спотыкаясь на буквах, выговорил Артур, так как вопрос адресован был ему. – Я... не... не держу... Зачем мне... эти штуки?

– А как пистолет очутился в гардеробной комнате? – в наивном недоумении поднял черные брови следовательно.

– Послушайте! – вскипел Савелий, догадавшись, куда следак клонит. – Вы будто не знаете, как подбрасывают улики! Мы только что говорили, в состоянии глубокого стресса после убийства жены Артур Юрьевич ушел из дома и оставил его открытым! Следовательно, убийца вернулся и подкинул пушку.

– Значит, убийца находился неподалеку, похоже, выжидал, когда хозяин покинет дом?

– По идее так, – слегка стух Савелий.

А стух потому, что следак лихо выстраивал логическую цепочку, на которую нанизывались показания против Артура: альянс с убийцей! Заметив, в каком затруднительном положении адвокат, Черновол ободряюще закивал:

– Нет, вы убедительно говорите. Но где доказательства?

– Неужели думаете, мой клиент настолько тупой и жадный, что после убийства своей жены спрятал пистолет, из которого ее застрелили, в своем доме? Не мог расстаться с дорогой штуковиной? Не знал, что полиция обязательно будет обыскивать дом на предмет улик?

– Как показывает практика, некоторые, сугубо одаренные, именно так и поступают, надеясь на безнаказанность. Вы задержаны, Артур Юрьевич.

– Как?! – вырвалось у обоих в унисон.

– Какие основания? – пропыхтел Савелий.

– Задержан по подозрению в убийстве жены, оснований достаточно, – поднимаясь с места, заявил Черновол. – Пока ваш клиент, господин адвокат, не обвиняется в убийстве, а только подозревается. На основании подозрений я имею право задержать его на сорок восемь часов, а дальше раскинем карты.

– Савелий, это так? – занервничал Артур. – Имеют право меня?..

– К сожалению, – выдавил из себя тот в бессильной ярости.

Дальше все было как в кошмарном сне: откуда ни возьмись два молодца появились, наручники – шелк на запястьях, тяжелая рука подтолкнула в плечо... На ватных ногах Артур двинул к выходу, но через несколько шагов остановился и оглянулся на Савелия. Он смотрел на друга и одновременно адвоката, обязанного защищать его от беспредела органов, с надеждой и упреком, отчаянием и мольбой, тот пообещал:

– Я вытащу тебя, наберись терпения.

Прошло два дня и...

...его отвезли в суд, где решался вопрос о мере пресечения. С судейской машиной Артур столкнулся впервые, само собой, остался далек от восторгов. Прокурор, тетка с лицом злого мопса, требовала содержания под арестом на весь период следствия, да что там мелочиться, она бы законопатила его на всю оставшуюся жизнь, заранее считая виновным. Адвокат Ярцев хлопал честнейшими глазенками барчука и клялся, что Артур хороший, такой хороший – каких не бывает в природе. Справедливость требует отпустить его: под подписку о невыезде, под залог, под домашний арест – на усмотрение добрейшего, умнейшего, благороднейшего судьи. В дебатах победила злая мопсиха (чтоб ей побывать на месте Артура!) – арест продлили еще на месяц.

И прошел день, потом три, четыре... Артур сидел, стоял, лежал, ходил по камере, решив, что про него забыли. У него появилась куча времени, которого всегда не хватало, теперь он дни и ночи напролет думал – почему это с ним произошло? Почему все живут – плохо ли, хорошо ли, – но живут без подобных встрясок, а ему досталось влипнуть по самое-самое? Особенно после допроса, убившего всякую надежду, Артур искал первопричину, запустившую маховик, чтобы понять, как его остановить. При всем при том, придя в допросную, вспомнил, что один в поле не воин, и предупредил Черновола:

– Без адвоката я не буду...

– А мне пока и не надо ваших показаний с признаниями, – не дослушал тот. – Я пришел ознакомить вас с результатами экспертиз.

Черновол небрежно кинул на стол папку, он был доволен собой, упивался собственной значимостью, перебирал с блаженной рожей документы, будто там нарисованы цифры с шестизначными нулями и все-все нули принадлежат ему. Артур упал духом, потому что этого самолюбленного козла не переубедить, лучший выход в данных обстоятельствах – помалкивать, а то будет как в кино: каждое слово обернется против вас, сэр!

– Итак, – проговорил Черновол, наконец, подготовившись и глядя в упор на Артура. – Из пистолета, который нашли в гардеробе, была убита ваша жена. Глушитель тоже обнаружен – в саду под кустом, он совпадает с пистолетом, как и пуля, убившая наповал вашу жену.

Он сделал паузу, чтобы понаблюдать за подозреваемым, точнее, за его рефлексам. Артур смотрел на него тоже в упор, смотрел бесстрастно, не понимая, чего ждет от него Черновол, ведь все, что «сообщил» следователь, ясно было и до сегодняшнего дня. По всей видимости, подозреваемый слегка огорчил Арнольда Петровича отсутствием реакции, прищурился один глаз, точно прицеливаясь, он сказал:

– В вашем деле слишком много странностей и совпадений, поэтому решено продлить ваше пребывание в следственном изоляторе.

– Какие именно совпадения и странности? – нарушил обет молчания, данный самому себе, Артур.

– Вы покинули место преступления и сокрыли убийство, это само по себе преступление, – принялся перечислять Черновол. – Убийца попал точно в сердце вашей жены, которая даже не успела закрыть глаз, она умерла до того, как упала на пол, то есть еще стоя. Но разве не странно, что тот же убийца, с такого же близкого расстояния не попал в вас? А стрелял два раза, два! Затем вы уходите из дома, а он, как будто знал, что вы уйдете, беспрепятственно вошел в ваш дом, не запертый – на минуточку! Подбросил пистолет, глушитель обронил в саду – ах, какой рассеянный, и спокойно ушел. Разве не странно?

– Ваши домыслы, – вяло отреагировал Артур, прекрасно понимая, что следак шьет ему сговор с убийцей.

– Улики, – поправил его Черновол. – Косвенные, правда, но будем работать. Скажите, вы знали, что отца Клары около двух лет назад застрелили? А точнее – год и девять с половиной месяцев назад?

Поскольку следователь выжидающе замер, а просидеть в состоянии мумии он явно способен до вечера, уж лучше освободиться от него пораньше, пришлось Артуру снова ответить, но односложно:

– Допустим.

– А вы... – И палец Черновола проткнул воздух, указывая на Артура, рожа его при этом светилась, как у сатаны от костров в аду. – Вы полностью сменили имя полтора года назад, или!.. Или через три с небольшим месяца после убийства отца будущей жены. Интересно, почему вы отказались от настоящего имени, фамилии, отчества, которые получены вами от рождения? (Артур молчал.) Вместе с новым именем в одночасье вы стали сказочно богаты... Это как так получилось?

От разоблачительных слов сердце Артура ухнуло в пятки, хотя чему тут удивляться? Эти люди знают все, возможно, знают и то, чего он сам о себе не знал, только подозревал, а знать и подозревать – не одно и то же. Если б на месте Черновола сидел человек благожелательный, способный если не сочувствовать, то хотя бы вникнуть в суть и помочь разобраться, он признался бы...

Что тогда же, полтора года назад...

...решил не встречаться с сомнительными людьми. Ему чудилось, они задумали грязенькую интригу, только совсем неясно, на какие дивиденды рассчитывали, что с него взять? При этом его просто притягивало окно автомойки с видом на площадку и автокольцо, притягивали часы. Нет, будто каждая секунда была наполнена ожиданием в самом воздухе, а воздух, в свою очередь, заразил ожиданием Диму. И дождался. В древних легендах фантомы появлялись на вороных лошадях, в наше время лошадей заменили черные автомобили премиум-класса. В общем, ровно в шесть Гектор остановился у автомойки, за тонированными стеклами трудно было рассмотреть салон, но Дима увидел: пассажиров нет, он вышел и сел в «мерседес».

Да! Поехал с Гектором, поехал! Любопытство остаток рабочего дня напрочь растерзало душу, и Дима сказал себе: была не была! Все, что предложила Фрида сделать ему для собственной безопасности, выполнил – коллега из автомойки сфоткал мерс, позже услышал по телефону адрес, куда подъехал Дима. А привез его Гектор в район избранных, куда не ступала нога простых смертных, если только они не обслуживающий персонал.

Дима смотрел в лобовое стекло на крепостную стену из матового кирпича, на железную дверь в нише и гадал: что может находиться за кирпичной кладкой метра два высотой? Только бункер и пулеметы по углам – крепость же. А оказался мини-парк с газонами, клумбами, дорожками, ведущими к современному домику, не перегруженному архитектурными излишествами. На площадке перед входом стояла Фрида, кутаясь в ажурную коралловую шаль, кисти которой доставали ей до щиколоток, она улыбнулась, от дамы полусвета и следа не осталось, теперь Артур слышал только приветливую интонацию:

– Ты смелый, молодец. Идем, покажу тебе дом.

Необычное поведение и само предложение, словно Дима желанный и долгожданный гость, которому стремятся угодить! Но всему должно быть в скором времени разъяснение, осталось, как он полагал, ждать совсем недолго, а до этого осмотреть то, что его не интересовало – апартаменты.

Внутри дома роскошь и красота, кстати, эти два понятия не всегда в равновесии между собой, зачастую роскошь иллюстрирует убогость и безвкусицу хозяина, но не здесь. Зеркальные полы на всех трех уровнях, панорамные окна, диваны и кресла, люстры, даже вазоны –

все выполнено в современной манере и едином стиле хай-тек, пространство не загромождено, в комнатах много воздуха.

Вернулись в бежевую гостиную, где торчал в кресле перед огромным телевизором Юрий Васильевич, потягивающий бренди и абсолютно безучастный, он головы не повернул, когда Дима приземлился в соседнее кресло. С одной стороны гостеприимная Фрида, с другой – надутый бирюк, которому явно не нравилось все, что происходило в доме, точнее, не нравился Дима. Тем временем Фрида перетянула внимание гостя на себя, кинув на столик ключи от машины со словами:

– Это от твоей машины, на ней ты приехал сюда.

– Не остроумно, – сказал Дима, разумеется, не взяв ключи.

Он заранее решил ничему не удивляться, потому и бровью не повел, пусть не думают, что поймали простака-дурака, однако стало вдвойне любопытней – что они затеяли? Фрида не удивилась отсутствию бурной радости, она продолжила перечислять:

– И этот дом твой от ворот до последней ложки. Счет в банке твой, еще фирма... Правда, годовой оборот небольшой – всего сто миллионов, но у тебя специальность как раз в жилу, если имеешь мозги – прорвешься, не имеешь – промотаешь и вернешься в сарай. Тебе выпал редчайший шанс изменить свою жизнь в один миг, а не плестись к уровню годами и... никогда не подняться выше стула, на котором сидишь.

Охреть! Чушь какая-то... Дима сострил:

– Мне надо расписаться кровью?

Наконец! Наконец Юрий Васильевич соизволил показать свой лик в очках и посмотреть на гостя, хотя раньше, в период слежки, его очень интересовал Дима, он от окна в мерсе не отлипал. За роговыми очками увеличенные в три раза глаза уставились на гостя с нескрываемым любопытством и даже с удивлением, но Юрий Васильевич ничего не сказал, переговоры вела Фрида. В паузе налив темно-бордового вина в бокалы, одна она протянула Диме:

– Понимаю, тебе трудно поверить, что все это... – Фрида обвела бокалом пространство, – можно получить просто так. Но кто сказал, что за бесценный дар тебе ничем не придется пожертвовать? Это было бы несправедливо, верно?

– Так все-таки жертвы нужны? – рассмеялся Дима.

Она привычно осушила бокальчик, потом, приоткрыв рот, вытерла уголки губ большим и безымянным пальцем – жест показался ему простецким, нехарактерным для высшего сословия. Впрочем, нынешнее сословие вылезло из подворотен и не всегда благородными методами добывало бешеное бабло, а Фрида, может быть, вышла выгодно замуж. Собственно, эти рассуждения не имели значения, тем более она снова заговорила, после бокальчика вина более уверенно и раскованно:

– Напрасно, напрасно иронизируешь. Мы серьезно, но если ты не захочешь... значит, богатство не твоя судьба.

– А с какого перепугу вы делаете мне такой подарок?

– Юрий Васильевич проиграл мне пари.

– Да, я проиграл, – недовольно буркнул Юрий Васильевич. – Никогда не спорь, парень, особенно с бабами. Они понимают только язык ультиматумов.

Фриде стало весело, она рассмеялась, потом продолжила:

– На кон поставил он этот дом, счет в банке, «мерседес» – новый, кстати... и бизнес. С моей стороны... э... теперь это не важно. Скажу лишь, на кон мы поставили равноценные состояния, но проиграл он! А не я! Надеюсь, теперь понятно, почему Юрий Васильевич такой... ха! Такой грустный.

Видимо, Фрида была счастлива, что осталась со своим добром, поэтому хихикала, смеялась без остановки. Но были и паузы в веселье – когда она тянулась к бутылке. Налила себе,

так как Дима ни глотка не сделал – ему нужна была ясная голова, и, коснувшись его бокала своим, выпила половину, после азартно протарахтела:

– Мы договорились, что получателем выигрыша будет первый встречный, при всем при том нам не хотелось отдавать такой куш пропойце или наркоману. Мы желали видеть в получателе молодого, здорового, образованного, обязательно бедного и не отягощенного губительными привычками человека, но которому не повезло в жизни. Это шанс, а не швыряние денег под ноги ничтожеству. Также условились: если проигрываю я – отдаю все молодой женщине, если Юрий Васильевич – молодому мужчине. Пари состоялось, и мы поехали к недорогому спортклубу, ведь там занимаются те, кто следит за собой, остановились напротив, стали ждать. Вышел ты. Дальше наша задача состояла – соблюсти все условия, поэтому мы какое-то время присматривались к тебе, выясняли, кто ты и откуда.

– Получается, выиграл я? – заметил Дима. – Так, что ли?

– Случай выиграл, Дмитрий, случай. Но если хочешь, считай, что выиграл ты. Победитель – ты! Тебе открыты все двери, любые цели у твоих ног!

Она разжигала в нем тщеславие и сама балдела от своих слов, не забывая подлить вина себе и сделать хотя бы глоток.

– Фрида, не много ли ты пьешь? – забрюзжал Юрий Васильевич.

Не обратила на него внимания она, ей интересно было – что происходит с молодым человеком. Ее глаза алчно горели, будто это она получила сокровище, на щеках пылал нервный румянец (возможно, от вина), к губам снова прилипла полуулыбка. Фрида ждала восторга, который обязан накрыть Диму, а парень, глупенький, до сих пор не верил в свою удачу:

– И что я вот так могу остаться здесь, и все?

– Не совсем, – остудила его Фрида. – Выигрыш когда случается? Если человек покупает билет, правильно? Этот человек сделал затраты, небольшие, но сделал! Жил некоторое время мечтаниями – это тоже затраты внутренних ресурсов, поэтому и тебе придется внести свою долю в данный проект.

– Ну-ну? И что мне надо внести?

– Вот договор, мы все его подпишем и... владей. – Дима потянулся к листам, которые откуда-то выудила Фрида, она отвела руку. – Подожди! Сначала выслушай условия устно, вдруг они не устроят тебя.

– Слушаю, – откинулся на спинку кресла Дима...

И вдруг сделал открытие: он разволновался. Нет, правда, тут у любого крышу снесет! Да и Фрида настолько взбудоражилась от явной победы, что не усидела на месте, подлетела и заходила вокруг кресел, в ажиотаже жестикулируя бумагами и продолжая:

– Наше главное условие: ты обязан отказаться от прошлой жизни, привязанностей, друзей, подруг, любимых и тех, кого ненавидишь... От всех! А знаешь, странность? Поделюсь с тобой личными наблюдениями: людей почему-то притягивает ненависть. Да-да-да! Вроде бы вот человек, который не любит тебя, ты тоже отвечаешь ему взаимностью, но продолжаешь искать с ним встреч, как и он, дружишь и... ненавидишь. Паранойя какая-то, правда?

– Ты увлеклась, – бросил из кресла Юрий Васильевич.

– Прости, – улыбнулась ему она, наклонившись вперед из-за кресла, в котором тот сидел, и снова повернулась к гостю. – Итак, ты должен вычеркнуть свое прошлое полностью. Как тебе, Дмитрий, наше первое условие?

– Сурово, – коротко ответил он. При этом, ни черта не понимая, только чувствуя, что дело нешуточное, Дима все же осведомился: – А почему нельзя старых друзей и подруг сохранить?

Неожиданно Фрида довольно грубо перебила его, тон ее стал почему-то злым, видимо, алкоголь действует на эту женщину деструктивно:

– Потому что мы не благотворительный фонд! – Кинув договор на стол, она снова заходила, хмурясь и нервно потирая пальцы. – Как бы дороги ни были те, кто окружал тебя,

придется от них отказаться! Да, таковы наши условия! Юрий Васильевич понес большие потери, ты получил его собственность, вполне логично, что и от тебя требуется пожертвование! Но несравнимо меньшее – уйти в новую жизнь без старых хвостов и без себя. Это сделать несложно!

Несравнимо меньшее? Подпившая дамочка загнула, ибо условия выдвинуты зверские, а его мнение таково: делаешь добровольно широкий жест – не проси за него платы. Дима решил отбросить попутные мысли, чтобы сосредоточиться на основных пунктах и уточнять неясности, хотя зачем ему это? Он же им не верил, все, что происходило, походило на какой-то бред больных людей, не отдающих отчета в своих поступках. А вдруг в дурдоме день открытых дверей и перед ним разыгрывают богачей два полудурка?

– Что значит – без себя? – осведомился Дима.

– Ты возьмешь новое имя, фамилию, отчество – это второе условие. Да, мы требуем отказаться и от себя! Таков твой взнос в выигрыш. Еще раз повторяю: в прежние сараи – ни ногой, прежние связи – долой!

Неожиданно Фрида уселась на подлокотник его кресла, наклонила голову к своему плечу, заглянув в лицо Димы и, что стало тоже неожиданностью для него, заговорила тоном, полным сочувствия, искренне:

– Не думай, что быть богатым – просто, ты даже не представляешь, как изменят твою жизнь деньги... Дело не в уровне обрушившегося достатка, даже не в том, что внутри тебя наступят изменения, а они наступят, да-да! Дело в том, что тобой деньги станут управлять. Справиться с такой нагрузкой будет очень сложно, не исключено, что деньги раздавят тебя... но это тоже твоя плата за чудо. Если выступишь в схватке с ними – честь и хвала тебе, это удастся единицам.

– Прислугу мы заберем, – напомнил ей Юрий Васильевич.

– Да, – кивнула она, выпрямившись и снова взяв жесткий тон. – И это не обсуждается. Мы учли, что тебе предстоит многому научиться, поэтому с тобой останется Гектор. Он поможет адаптироваться, нанять прислугу, научит водить автомобиль и проконсультирует в случае надобности по другим вопросам. Но недолго! Гектор тоже наш и вернется к нам. Мы не хотим терять своих людей, сейчас найти преданных и честных практически невозможно, позже ты сам в этом убедишься.

– С мамой я тоже должен расстаться?

– Мм? – развернулась Фрида к Юрию Васильевичу, попав в тупик. – С мамой ему тоже расстаться?

– С мамой? – озадачился тот, видимо, данный пункт не обсуждался. – Мама пусть живет в Сургуте, достаточно с ней созваниваться.

– Это жестоко, – вздохнула добрая Фрида. – Но хотя бы навещать он может ее? Это все-таки мама...

– Насколько я в курсе, Дмитрий не стремился навещать ее. Сколько лет он не был в Сургуте? Три, четыре года?

– Но туда очень далеко ехать, кучу денег нужно на один билет, – встала на защиту парня Фрида. – Где ему было взять столько?

– Ладно, – быстро сдался Юрий Васильевич. – Пусть не ездит столько же лет, сколько не был в Сургуте – четыре года. Это будет наказанием ему за пренебрежительное отношение к родной матери. Я так хочу.

– Ты очень благородный, – растаяла Фрида, затем протянула Дмитрию договор, который тот взял. – Ну, вот и все. Как видишь, с твоей стороны жертвы мизерные... А почему ты читаешь договор с конца?

Действительно, Дима начал читать с последней страницы, взглянув на женщину, он усмехнулся:

– Да как-то случайно на вечеринке познакомился с юристом, он научил. Говорил, что, читая договор с первой страницы, глаза быстро замыливаются, мозг к концу не в состоянии усваивать хитрые юридические обороты, а самое важное пишется в конце и часто – мелким шрифтом.

– О! Юрий Васильевич, нам повезло, не дурак попался, – обрадовалась она. – Да ради бога, можешь взять договор домой, изучить его вдоль и поперек. Учти, заверять будем у нотариуса, чтоб все по закону было. Мы даем три дня на размышление, не больше.

– А если откажусь?

– Каков бы ни был выбор – он твой, – ничуть не расстроилась она.

– Другого Диму найдем, – небрежно бросил Юрий Васильевич.

Действительно, другого найдут и, безусловно, сговорчивей.

– Ты свободен, – сказала Фрида. – Тебя отвезет Гектор.

Она вышла его проводить, вид у нее стал скучающий, но Дима, прежде чем сесть в машину, задал мучивший его вопрос:

– Юрию Васильевичу не жале отдавать все это?

– Жалко, ну и что? – пожалала она плечами со смешком. – Дело чести, дружок, дело чести. Это щекочущее ощущение – честь, оно бодрит, держит в тонусе, но, как ни странно, подводит. В переводе с русского на русский это рамки, ограничения... ну, когда не можешь поступить иначе, чем предписано кодексом чести. Очень сложная штука. И тяжелая. Я пробовала... но у меня столько слабостей... Да не переживай ты, глупый, Юрий Васильевич миллиардер, так что тебе достанется малая часть... Но я довольна, что проучила его.

– Проучила? – поднял он брови. – Как?

– Не твое дело. Садись и помни: три дня!

В ту ночь он уснул поздно... нет, уже было рано. Уснул, перебирая в памяти странный вечер, изобиловавший соблазнами – аж дух захватывало и щекотало в горле. Искушение было слишком велико, а на плече мирно посапывала Людаша, ее Дима любил искренне и нежно, она и перевесила. Тогда и уснул со спокойной душой – когда принял окончательное решение отказаться от заманухи, которая может стать дороже миллионов.

Утром они завтракали весело, шумно, с шутками и смехом, Дима не ушел от себя, он, приняв решение, вернулся к себе. И это классно! Он ощущал невероятное облегчение, сравнимое разве что с подвигом, и, что совсем необъяснимо, чувствовал себя счастливым. Потом оба помчались на свои работы, как всегда – времени не хватало, потому бегом.

В сарае, как назвала автомойку Фрида, Дима переоделся, открыл сумку, чтобы кинуть туда ручные часы и портмоне, а там... договор в прозрачной папке. Клиентов не было, поэтому он взял договор и сел читать ради прикола. Ну и пункты... Смешно, ей-богу.

– Больные! – хохотнул Дима и кинул договор назад в сумку, так как сразу два автомобиля подъехали к автомойке.

Однако день не шел своим чередом, взгляд Димы то и дело попадал на сумку, случайно или закономерно, но договор стал приманкой. Он как будто зомбировав молодого человека прямо из сумки: возьми меня и перечитай, что с того, если ты еще разок пробежишься глазами по скучным строчкам, что плохого получишь? Времени не было. Оно появилось только в троллейбусе, на задней площадке, Дима прочел договор, ставший реальной отравой. Его в пот бросило, стало подташнивать, стоило запустить в душу сомнение: а вдруг все серьезно? Ведь похоже – серьезно! Если б он был нужен кому-то на запчасти, его увезли бы без шума еще вчера! И давило на мозг: дом, бизнес, счет в банке, роскошная машина – все твое... твое...

– Глупости, – уговаривал себя он, снова засовывая договор в сумку.

Когда Дима вышел на проспект и заметил урну, появилось жгучее желание выкинуть бумаги вместе с папкой, нет, для верности порвать и выкинуть, чтобы заглушить искушение. А внутренний голос нашептывал: выкинуть всегда успеешь, пройдет три дня и выбросишь уже за

ненадобностью, только не пожалей потом, не пожалей, глупенький... Разумеется, дома Дима опять впал в задумчивость, на обеспокоенный вопрос Людочки – что с ним, солгал:

– Работу предложили, но есть нюансы, которые мне не по нраву. Не обращай внимания, ладно? Я буду думать.

Солгал! Солгал ей, самой замечательной девушке в мире, и стало противно от себя самого. Следующий день прошел в еще больших метаниях, пока Дима не вспомнил, что есть приятель Савелий Ярцев, он подкован юридически, как маститая лошадь качественными подковами. После работы поехал к нему, Савелий согласился уделить Диме время, но сбивчивый рассказ прервал:

– Можешь последовательно изложить? Пока я ничего не понимаю.

– Конечно! – воскликнул Дима, доставая смартфон. – Я тайком записал наши переговоры... два раза записал... Знаю, это неправильно, нехорошо, надо предупреждать, но я боялся за свою жизнь. Послушаешь? Это долго...

– Разумеется, я прослушаю. С подобными вывертами мне не приходилось сталкиваться, любопытно, что стоит за этим предложением.

Дима включил запись, а также громкую связь и положил смартфон на стол. Савелий слушал, развалившись в удобном кресле, слушал внимательно – особенно диалоги в доме, потом, не поделившись своими впечатлениями, затребовал договор. Читал внимательно, а Дима терпеливо ждал, глядя с надеждой на приятеля, в глубине души он хотел услышать подтверждение: разводилово, пошли этих благодетелей подальше! Да, мечтал окончательно успокоиться, не мучиться сомнениями, а если это не банальный развод лоха, то существует другая причина, но Савелий неожиданно выдал:

– Черт, вот бы мне так подфартило! Ты счастливчик, завидую.

– Савелий, ты что! – обалдел Дима. – Тебе не кажется, тут какой-то подвох, хитрый замысел?

– Допустим, – пожал тот плечами. – А что ты, собственно, теряешь?

– Да все!

– Что – все? Извини, но что у тебя есть?

– Людашу, свое имя, друзей... тебя, например!

– Это причина? – усмехнулся Савелий. – Ты дурак?

– Я не дурак, но боюсь, весь этот цирк временный. Зачем-то я им нужен, как только выполню свою миссию, меня вернут на прежний уровень. Но я уже буду жить без Людашки, без друзей и без своего имени... без себя.

– Господи, – возвел очи к потолку Савелий, – почему ты кидаешь подарки под ноги идиотов, ведь есть же я! Дима, ты совсем плохой. Короче так, даже если тебе предстоит полгода, год пожить в шкуре миллионера, не стоит упускать шанса. За это время много воды утечет, ты приспособишься и научишься обходиться без проспоренного подарка, но в этом случае, даже если у тебя заберут состояние, все равно попадешь в обойму. Кстати, о состоянии! Можно же тайком увести часть денег, считай это платой за возможные утраты, тогда и потеряв все, ты не останешься у разбитого корыта. А Людочка... Не спорю, она, конечно, классная девчонка, к сожалению, я слишком плохо ее знаю, чтобы оценить. Но и ты не можешь гарантировать, что вы будете жить долго и счастливо до гробовой доски. Не редок и такой вариант: жена рождает одного-двух, толстеет, нехватка денег превращает ее из очаровашки в исчадь ада, муж спивается... Знаешь, с даровыми бабками в твоей жизни появится легион Людаш, готовых по первому твоему зову лечь к тебе в кровать, останется только выбирать. И потом, друг мой, женщины умеют прощать, если что.

– А с договором как? – указал глазами на бумаги Дима.

– Обыкновенный акт дарения на определенных условиях, я не нашел подвоха, тем более заверяться будет у нотариуса. Дима, любой гражданин нашей страны вправе подарить свое

имущество хоть папуасу, хоть бомжу, хоть музею. Тут все законно. Со мной не рви связь, адвокат тебе в любом случае понадобится, меня ты знаешь, как с другими будет – вопрос. Да и наше знакомство мы не афишировали, запомни, я твоя защита, а для Гектора разыграешь спектакль: поиск лучшего адвоката, так типа найдешь меня.

– Я не подпишу... не смогу...

– Подпишешь, подпишешь, – был уверен Савелий. – Ты потому и пришел ко мне, что очень хочешь подписать.

Мечтательно вздохнув, он бросил на стол договор и еще раз вздохнул, наглядно демонстрируя древнейший порок – зависть. Вместе с броском договора последняя надежда Димы разбилась вдребезги, ему как воздух, хлеб, мясо и солнце необходимо было противоположное мнение, чтобы не возвращаться к данному вопросу. Не случилось, ушел от Ярцева Дима разбитым.

Дома не сводил глаз с Людочки, она, снова видя его в угнетенном состоянии, всячески старалась развлечь, и это не выглядело ни заигрыванием, ни плебейской услужливостью. Искренняя, нежная, любящая... И он любил ее – такие простые, набившие оскомину слова, а от них мир вокруг светится, словно северное сияние. Ночью, целуя свою Людочку, Дима с облегчением осознал: променять ее – ни за что, пусть хоть весь мир упадет ему под ноги.

Днем работалось легко, он пришел к выводу, что пора завязывать с автомойкой (сараем). Устроился временно, а пашет уже почти год – все, хватит, видимо, правильно говорят умные люди: нет ничего более постоянного, чем временный период. Само собой звонить «благодетелям» не собирался, Фрида сама позвонила к концу рабочего дня:

– Привет, что ты решил?

– Я согласен, да...

И задохнулся! – это он произнес или кто-то рядом стоит? А вблизи никого, значит, он. Как мог? Как посмел? Короткая фраза и – раскрыла, кто он есть. Неужели нежеланный ответ сидел в нем каждый час-минуту-секунду? Так легко, так быстро «да» сорвалось с языка, даже подумать не успел... или не захотел? Дима не сразу услышал, что говорила Фрида, до него дошло только, когда она спросила несколько раз:

– Алло! Дмитрий, ты слышишь меня? Алло-о...

– Слышу... – выдавил он. – Связь неважная... Теперь слышу.

– Мы с Гектором сейчас приедем и заберем тебя. Отвезем в твой дом, чтобы ты начал привыкать к нему уже сегодня, почувствовал вкус нового витка и богатства – это так приятно... Будь готов.

Он открыл было рот, собираясь сказать что-то важное, как-то объяснить свое решение даже не Фриде, а себе самому! Ему ведь тоже нужно многое понять – что же с ним произошло, почему так запросто отказался от всего, что было с ним до этой минуты? Но ничего не сказал, ничего.

Услышав гудки, Дима опустил руку с трубкой и, постояв пару минут, двинул в раздевалку. Да – это отказ от мойки и всего, что окружало его здесь, так зачем же задерживаться? Он уже переоделся, как вдруг вбежал Алешка:

– Димон, где тебя носит? У нас сразу три тачки, быстро...

– Стоп! – сказал он, подняв ладонь. – Я больше не работаю здесь.

– Не работаешь?! А с завтрашнего дня нельзя не работать?

В качестве ответа Дима закинул ремешок сумки на плечо, повернулся к парню и одними губами произнес «нет», что далось с трудом, ведь он оставлял Алешку один на один с тремя машинами и не всегда адекватными клиентами. Дима обошел парня, направившись к выходу и слыша, брошенные в спину слова растерянности:

– Чего ты взбесился?.. Дим!.. Помоги с одной тачкой, потом иди себе... Ну, хоть из-за чего ты?..

Не мог Дмитрий толком объяснить причины Алешке, подрабатывающему на автомойке в свободное от лекций в институте время, бросить его одного... нехорошо. Это был первый предательский поступок в его жизни. К тому же действовал он бессознательно, словно в него вселилось нечто постороннее и приживалось с болью, мучительно. Но подъехал мерс – как кстати! Дима запрыгнул на заднее сиденье и ни разу не оглянулся, да и Фрида отвлекла его, ободряюще сжав руку у локтя, она ознакомила с планом:

– Сейчас едем к тебе... э... на твою старую квартиру. Сегодня же ты расстанешься с девушкой и переедешь в свой дом, а завтра начнем оформлять документы.

– Люда еще не вернулась с работы.

– Ничего, ты как раз соберешься. Передача собственности не один день займет, тебе надо в чем-то ходить, пока счета не станут твоими. Сколько понадобится времени, чтобы поставить все точки?

– Не знаю... Я должен объяснить...

– Ты никому ничего не должен! (Сомнительный постулат, но спорить Дима не стал, аргументы и его ужалят.) Не затягивай, рвать нужно сразу и резко. Ладно, я вызову такси, а Гектор останется ждать тебя в переулке, где можно спокойно припарковаться, пока ты не покончишь с прошлым.

Выразилась она с театральным пафосом, впрочем, не его дело, кто и как предпочитает изъясняться, просто немного непривычно. Дима уставился в окно, в голове была одна пустота, не проходило ощущение неловкости, так и подъехали к проспекту, припарковались в узком переулке. Фрида задержала его, когда он открыл дверцу:

– Постой, я чуть не забыла! Ты предоставишь нам аудиозапись расставания с... как ее?... Людмила, да? Мы должны быть уверены, что разговор между вами состоялся жесткий и назад для тебя хода нет. Женщины часто прощают, но ты должен так разорвать ваши отношения, чтобы желания простить у девушки не возникало никогда.

– Хорошо, – машинально бросил он.

– Дмитрий, разреши дать тебе один совет...

– Зачем спрашивать? Я согласился, значит, готов слушать вас.

– Ты парень ответственный, как я вижу, это в тебе и импонирует. Уверена, тебя наверняка волнует, что будут говорить вокруг... Говорить будут, а как же! Люди очень любят поговорить, осудить, заклеить, но все это пустое. В общем, не мучайся, ты сделал правильный выбор. Любой – слышишь? – любой из тех, кто сейчас идет мимо, или кто будет мести языком из твоих знакомых и биться в нравственном припадке, поступил бы так же. Запомни: самые яростные борцы с безнравственностью страдают пороками больше, чем те, для кого они устраивают представления с аутодафе. Этими людьми будет руководить зависть. А твоя Люда... я уверена, она хорошая, нет, замечательная девушка, но не последняя и не самая красивая на планете, поплачет два-три дня и пошлет тебя к черту. Поверь мне, уж я-то знаю.

Она тоже вышла и неспешно, виляя бедрами, обтянутыми узкой юбкой до колен, двинула к проспекту, куда подъедет такси, ее «догонял» легкий и длинный шарф, болтавшийся сзади на ветру. А он зашагал к дому, в котором жил счастливо каждый день – тоже звучит банально, но ведь так было.

Часть вторая

Пешки без ферзей

Вечер выдался холодным, ветреным – в такую погоду хороший хозяин собаку не выгонит на улицу, а Савелий отправился в клуб. Где ж еще оттягивалась Клара? Быть в тренде – это шляться по клубам, тусовкам, вечеринкам, бутикам, отвисать среди молодняка. На этом список Савелия из увлечений жены Артура иссяк, возможно, она еще куда-нибудь захаживала, но точно не в библиотеку. Савелий осмотрелся, про себя отметил, что в залах затишье (перед бурей), скоро сюда завалят людишки, которым очень скучно днем... Неожиданно он увидел, как ему машет рукой знакомая, он сорвался с места и, лавируя между свободными столами, торопился к барной стойке. Там сидела копия Клары – не внешне, нет, просто у обеих глянцевое мировоззрение, вот тут они сестры-близнецы.

– Мики, привет! – забравшись на соседний стул, поздоровался он.

– Хай... – лениво поприветствовала та.

Какого черта она Мики, когда у нее имеется человеческое имя, он понятия не имел, в сущности, и хрен с ней, в конце концов, не жениться же ему предстоит. Она даже в любовницы не годится, эта блондинистая, насиликоненная, отутюженная (в смысле, волосы), ботоксом нашпигованная кукла ни на что не пригодна в его понимании. Впрочем, среди постаревших мэнов с бабками любителей научных опытов над человекообразными, которых видоизменяют до неузнаваемости, полно. Старичкам страсть как хочется доказать таким же старперам, что они еще способны удовлетворить молодую кобылу, за счет старых хвастунов и шляется по клубам Мики – одна из подружек Клары. Савелий знаком с ней на уровне «привет – привет, как дела?», но сегодня она обрадовалась и, сидя на высоком стульчике нога на ногу, поставив ручку на бедро, спросила:

– Ничего не замечаешь?

На себя намекнула, как будто видятся они каждый день, притом общаются нос к носу, и Савелий просто не может не увидеть нечто сногшибательное.

– У тебя новые губы! – догадался он.

Хотел комплимент кинуть, ведь все новое, будь то разрез глаз или только что купленный бюстгальтер, выставляется на обозрение – чтобы безмозглые ракушки вокруг верещали от восхищения, а лучше – чтоб передохли от зависти. Но ошибся! Мики надула и без того выдающиеся вперед силиконовые губы, болтая ножкой, небрежно бросила:

– Сапожки новые. Сто штук. И платье из новой коллекции Zara...

– Боже! – не дослушав (хрень всякую выслушивать – еще чего!), хлопнул он себя ладонью по лбу. – Прости, не увидел! Но когда божественное лицо перед моим взором... твоё лицо... оно же отвлекает от материальных ценностей. Разрешишь угостить тебя? Что будешь? Мохито, дайкири, пина колада?

– «Голубую лагуну».

– У тебя изысканный вкус.

Этим дурам лесть по кайфу, они даже не задумываются, насколько правдивы те, кто смотрит им в глаза и кидает дешевые комплименты. Он заказал коктейль, для себя «Кровавую Мэри» и, пока бармен готовил напитки, оценивающим взглядом смерил девушку – хотя паспортных данных Мики никто не видел, может, она глубоко взрослая тетя, а ксиву утопила в унитазе.

– М... – Савелий одобрительно выпятил нижнюю губу. – Если не секрет, сколько за платье отвалила?

– Двести.

– Тысяч? – уточнил Савелий, заранее охренев. Она утвердительно с улыбкой торжества кивнула. – Почти даром... э... раз из новой коллекции.

– А еще прям сегодня привезли... – Мики полезла в сумочку и достала смартфон, блестящий, словно елочное украшение. – Вот, полтора миллиона! Ха-ха... Ну, немножко меньше... уступили пятьдесят штук, и он у меня – мой сладенький, любименький малыш. Золото, платина, камни... драгоценные...

«Лучше б, дура, натурального малыша заимела, хоть какая-то от тебя польза была бы, – подумал Савелий. – И зачем этой идиотке мужики? Хотя понятно: главное, не кто тебя лобызает ртом с вставной челюстью, а его коэффициент щедрости на “сладенькие” цацки».

– Классная штучка, – похвалил вслух и якобы вспомнил: – Мики, ты слышала про Клару? Ее убили!

– Ой... – переменялась в лице кукла Мики, приложив ладонь в перстнях (тоже сладеньких) к груди. – Клару застрелил этот негодяй!

– Кого ты имеешь в виду? – прикинулся наивным Савелий.

– Артура! Приревновал, наверное.

– Думаешь? По мне, так его следовало ревновать...

– Она и ревновала, как бешеная! К каждой юбке стоимостью пять штук ревновала. Между нами девочками, ты же видел рожу нашей Клары – страшна, как нашествие внеземной цивилизации.

И это подружка! Нет, если бы Савелий увидел в кино похожую диву с потребностями любимой наложницы шейха, ржал бы, потому что не поверил. Но вот диво дивное сидит рядом – живая, а не выдуманная кинематографом, заучила новое слово «цивилизация», теперь будет козырять им, в основном не к месту.

– Я о том же, – согласился Савелий с Мики. – Ревность не его стихия.

– Тогда из-за денег, – сделала вывод она.

– А третью сторону ты не... нет?

– Третья сторона? – переводила в уме ракушка на понятный ей язык. – Типа еще какой-нибудь мэн, да?

– Ты удивительно сообразительная.

– Так... – напрягла Мики свой наномозг. – Третий... Типа пришел человек и выстрелил в Клару... Не, а кому она так нагадила, чтоб захотелось ее пиф-паф?

– Ну, не знаю... Клара любила приколы!

– Ой, не говори, – махнула Мики ручкой с браслетиком очень-очень сладеньким, ну, просто сплошной мед из брюликов. – Достала своими приколами, ей одной они и нравились, а всех напрягали. Нет, ну ты прикинь: сидит Эмка в номере с мужиком и сексом... Он такой отпадный...

– Секс?

– Мужик! Бог просто! Куча мышц, пресс кубиками... А у Эмки спонсор, блин, живодер. Наша Клара заваливает к ним с оравой – лабухами из филармонии, скрипками, хлопушками, серпантинами. На весь отель устроили дебильный концерт. Как тебе номер, а?

– Я убил бы ее вместе с лабухами.

– А парень хватать свои манатки – и сиганул с балкона в одних трусах...

– С балкона? А высоко?

– Не знаю, я там не была. Ты у Эмки спроси. Она сначала бесилась, потом помирилась, потом помогала Кларе троллить народ. Дура.

– Но приколы дело хлопотное, требуют сценария, режиссуры... Кто-то помогал профессионально?

– У Эмки спроси, а я отказалась троллить. За такие дурки по голове можно получить, оно мне надо? Мне без их приколов кайфово-понтово.

О, Мики не совсем ракушка – частично сохранила нейроны в головке, работающие в пониженном режиме. Однако Савелий выяснил, что ему надо, засобирался, глядя на часы:

– Жаль, мне пора.

– А «Мэри»? Ты же не пил.

– Не буду. Когда заказывал, забыл, что за рулем. Ты виновата, сразила наповал своей красотой. Пока, Мики.

Она помахала ручкой, затем взяла его коктейль – чего ж добру пропадать? А смесь гремучая, томатный сок несколько не смягчает: вместо водки – текила плюс хрен, соус табаско, перец... М-да, гламурные барышни крепко дружат с алкоголем, видимо, без спиртного никак при их тяжелой жизни.

Савелий вышел на улицу, а тут – мерзость заморосила, зонт не захватил, пришлось до машины бежать. Сев за руль, он не сразу завел мотор и тронулся с места, Савелий анализировал беседу с Мики и фиксировал в памяти основные моменты (светская беседа не была бесполезной), чтобы не забыть, только потом поехал, проговорив вслух:

– Мама, и ты хочешь, чтобы я женился! На ком, мама?!

Он снова находился в допросной...

...только теперь напротив за столом сидел Савелий, точнее, в его лице сидела слабая надежда на свободу – о, какое же это магическое слово, люди практически не придают ему значения, когда упоминают. Однако нечем было порадовать адвоката, потому что занимался Артур самокопанием все дни и ночи, проведенные в камере, как же в этом признаться человеку, который старается помочь? Не очень он вникал в то, что говорил Савелий, был подавлен, правда, в какой-то момент на ум пришел печальный вывод, Артур перебил друга:

– Этот следак... Черновол... Не будет он вести расследование, ему все ясно: я преступник, убийца, негодяй и подлец. Знаешь, что он сказал? Полтора миллиарда Клары перевесят все доказательства моей невиновности. То есть у меня безусловный мотив, который ничем не перешибить – я же наследник. И намек он сделал какой-то странный... Спросил: знал ли я, что отца Клары застрелили год и девять с половиной месяцев назад...

– Застрелили... – выпятил нижнюю губу Савелий. – Я как-то выпустил этот факт. Значит, самим надо докопаться, кто, почему и зачем убил Клару. Следаки просто так не спрашивают, что-то он имеет в виду, возможно, твое участие.

– Да я вообще не... Ты говорил, у тебя есть в прокуратуре знакомый.

– Огорчу: слишком громкое дело, лезть в него – себе дороже. Не переживай, я не заинтересован, чтобы ты сел, ведь мой источник дохода иссякнет, кстати сказать, неплохой источник. Сейчас не так-то легко заполучить постоянных клиентов – юристов пруд пруди, а я худо-бедно регулярно получаю в твоей конторе приличный гонорар. Поэтому буду биться, а ты, хочешь или не хочешь, будешь биться вместе со мной, понял?

Ну, пусть такая мотивировка, Артуру все равно, лишь бы выбраться из западни, в которую кто-то умно, с изощренной изобретательностью упаковал его – именно такое ощущение не проходило. Но пока об этом рано говорить, сначала хотелось услышать конкретные предложения, Артур и задал наводящий вопрос:

– Интересно, как докапываться в моем положении? Я здесь, будто беспомощный больной, ничего не могу предпринять.

– Буду добиваться твоего освобождения под залог. Я все перелопатил: у тебя нет за рубежом счетов и недвижимости, бежать тебе некуда, бизнес только в России, без тебя куча людей останется не у дел! К тому же у Черновола нет прямых доказательств, что ты застрелил Клару, ну, нет их, нет! Сейчас у нас все шансы... Какой залог мы можем внести? Сумма?

– Да любая: миллион, два, три. Но как их взять? Эта скотина Черновол добился ареста моих счетов, сам мне сказал: у него подозрение, что деньги приобретены незаконно. Похвастал, мол, закрывает меня со всех сторон, в общем, постоянно намекал, что я не вывернусь.

– Seriously? Ну, это мы еще посмотрим, – ухмыльнулся Савелий. Человек он упрямый, что для Артура в его безнадежном положении просто бесценный подарок. – Если мне удастся выкрутить это дело в нашу пользу, слава обо мне разлетится по всей стране великой. Артур, а договор? Надеюсь, ты не выкинул документы?

– Думаешь, я конченный идиот? Сохранил, разумеется. Каждую бумажку, каждую квитанцию... ты же сам советовал так поступить. Документы в тайнике, только ты не найдешь, ориентиров нет, я специально так сделал. Думаю, показывать их сейчас не стоит, тем более Черноволу. Выложу в час икс.

– Час икс? Недурственный план. – На минуту Савелий задумался, почесывая пальцем под губой. – Деньги, деньги-дребеденьги... Надо бы и судье подкинуть на мороженое...

– Устрой мне свидание с Людой.

– С кем?! – У Савелия челюсть отвисла чуть ли не до колен. – С твоей... э... твоей бывшей Людочкой? Я не ослышался или у тебя новая дама сердца появилась с этим именем?

– С моей бывшей.

– После всего-то?

– Устрой. Пожалуйста.

– Хочешь сказать, она способна добыть охрененную сумму залога? За каких-то двести-триста тысяч монстра наподобие тебя не выпустят. (Молчание друга было красноречивее слов.) Ты что, на ее имя кидал бабки?

– Короче, помочь с деньгами может только она.

– Хм, завидная уверенность... А как же контракт? Есть пункт: старые связи долой, тебя раз в полгода курирует инкогнито и в случае нарушения...

– А в моем контракте не предусмотрено, что я должен сесть на долгие годы в тюрьму за убийство жены, которого не совершал, при этом ничего не делать для своего спасения. И потом, зачем мне деньги в тюрьме?

– Деньги везде нужны, особенно там, – возразил Савелий и, как водится, задумался, просчитывая выгоды. – Н-да, сейчас все средства хороши... Ладно, я попытаюсь добиться свидания, но это будет непросто, ведь Людмила тебе никто, понимаешь? Есть еще один щепетильный нюанс, я обязан тебя предупредить: ты подставляешь Людашу.

– Каким образом? – вытаращился Артур.

– Сам подумай. У вас был роман, ты ушел от Людаши по условиям договора, в итоге стал миллионером, через некоторое время женился на безумно богатой Кларе, которую кто-то убил, когда вы были без свидетелей.

– При свидетелях сексом занимаются извращенцы.

– Мысль, конечно, интересная, но Черновол не убедит. Далее: тебя задерживают, а ты приглашаешь на свидание в это заповедное место не маму, не папу, не сестру с братом, а бывшую возлюбленную. Что должен думать рядовой следователь? Вы в сговоре.

– Фу, какой бред, – выдавил Артур, опустив голову.

– Скажу по секрету, бреда вокруг нас более чем предостаточно, так что данный расклад следствию не покажется чем-то противоестественным.

Пауза возникла сама собой, наверное, от безысходности. Савелий воочию видел крушение человека, которого поцеловала удача, да что там – родная мама так не любит сына, как

удача полюбила Артура-Диму, она предоставила ему все и сразу. Кое-что, конечно, отняла – тех же друзей, свободу выбора, ту же Людочку, а ведь этой паре завидовали, потому что ребята отличались от других пар искренностью, идущей от души, а не играли на публику. И тем не менее – разве это существенная потеря? Получив мощный старт, Артур не смог справиться с идеальными условиями – почему? Дотошного Савелия очень интересовали причины: что помешало талантливому (без дураков), красивому молодому человеку выстроить свою жизнь и вокруг себя по его же правилам? Этот момент представлялся главной загадкой в том, что с ним случилось. Однако вытаскивать парня надо и срочно, для данной цели все средства приемлемы, потому Савелий решил рискнуть Людочкой, к тому же победитель всегда прав:

– Ладно, я поговорю с ней. Адрес знаешь?

– Адреса не знаю, но ты можешь узнать сам. Люда собирается замуж... я видел его у филармонии, она села к нему в машину.

Поскольку арестант симптоматично замолчал, закатив глаза к потолку (еще чуть-чуть и зарыдает), Савелий, постукивая пальцами по столу, не пожалел друга:

– Что ж, такие девчонки нарасхват, конечно, они для умных мужиков. Я только не понял, ты какого хрена сейчас исстрадался? Да, Люда нашла мужика, тебе-то какое дело?

– А знаешь, кто жених? Тихон. Сын хозяйки, у которой мы с Людой снимали квартиру. Она терпеть его не могла, медведем называла...

Вот тут кончилось терпение у Савелия, он стукнул обеими ладонями по столу, рявкнув:

– Ты о чем думаешь? Охренел, да? Сопли он распустил! Тебе в лоб заехать, чтоб думалка начала мыслительный процесс, как вылезти отсюда? Иначе впаяют за убийство... страшно сказать – сколько! Говори, как узнать адрес Людмилы?

Сложно было ему возразить, да и нечем крыть по существу. Это сейчас Артура мучает раскаяние, а еще недавно он редко вспоминал прошлую жизнь, но все же вспоминал. От прошлого можно отказаться – кто мешает? Только оно все равно останется, засядет глубоко внутри и напоминать будет частичными эпизодами в самые неподходящие минуты. Такие моменты в новой жизни Артура случались, например, когда Клара ходила голый, а перед глазами танцевала на балконе в лунном свете Людаша, и саднило внутри, словно кусочек сердца прищемила дверь.

– Мать Тихона зовут Лина Марковна, – ответил Артур уныло. – Ты же бывал у нас, должен помнить ее...

– Пару раз был, мать Тихона не видел, да и его мельком! – возразил Савелий. – Ладно, найду, это хоть не проблема. Вчера встретил ракушку Мики, поговорили мы с ней о Кларе, кое-что это безмозглое творение мне выложило...

И тут Артур, чувствуя, что времени осталось мало, а Савелий коснулся весьма важной темы, к которой еще пять минут назад он не был готов, вдруг ожил и заговорил непривычно быстро:

– Нет, не в Кларе дело, а во мне! Да-да-да, я только сейчас понял... потому что все время думал, думал... еще до ареста задумывался. Савелий! Не торчи на Кларе, ее убили, как бы это сказать... Не знаю, не знаю...

– Да уж говори как-нибудь, чукча поймет, она умная, – ткнул себя пальцем в грудь Савелий.

– Полтора года назад меня выбрали ради каких-то тайных целей. И знаешь, что натолкнуло на эту мысль? Выстрелы в меня. По мне вроде бы стреляли, есть следы, но пули пролетели мимо! На этот факт даже Черновол указал, мол, почему Клару убили, попав точно в сердце, а две пули пролетели мимо меня, причем с близкого расстояния? Для чего-то это было нужно...

– Стоп! – приподнял обе ладони над столом Савелий. – Стоп. Я должен подумать, но Клару списывать не будем, возможно, она тоже пешка, как ты.

– Вот-вот! Я стал именно пешкой в чужой партии, убийством Кары меня надежно заблокировали! – убеждал Артур. – Отсюда и надо считать. А еще желательно отыскать Майского Юрия Васильевича, Гектора и Фриду. Ха! Вот я дурак: если это подстава, то имена вымышленные.

– Но деньги, дом, машина, фирма не вымышленные, я же проверял, все принадлежит тебе, договор не фикция.

– В этом и есть хитрость, их главная фишка... мне так кажется.

– Ладно, больше ни слова, и так мозги пухнут! Раз Черновол будет искать доказательства твоей вины, мы будем искать заказчиков и убийц Клары. Об этом никому ни слова, Черноволу в частности, учти, в камере сидят и стукачи, ни с кем не делись. Мне нужно все события вернуть заново. Слушай, а ты сохранил записи диалогов с Фридой?

– Нет. Как только я сел в мерс, у меня забрали трубку, дали другую.

– Жалко. В таком случае, думай, где еще искать концы, а я попробую пробить свидание с Людочкой.

– Давай. Я очень надеюсь на тебя... на единственного друга, оставшегося из моего хорошего прошлого.

Еще осталась Людочка, ее из своей памяти вырвать ему не удалось, может быть, потому что осталась вина перед ней и как следствие – стыд, неприятнейшая штука. Артур не предполагал, что все связанное с Людой будет лежать тяжелым бременем на сердце, вдобавок не хватало привычных друзей, общих интересов – мир жив не одними фьючерсами с активами. Не хватало споров до полуночи, походов с рюкзаками на природу, там, куда он попал, все это отсутствовало. Во время встречи с Людочкой в выставочном зале так хотелось прижать ее к груди, обнять, целовать и чувствовать, что он нужен ей, как она ему. Но чувствовал обратное: не нужен. В сущности, по-другому и не могло быть, потому что...

В тот вечер, когда Дима уходил навсегда...

...повел он себя неправильно, так не расстаются. Но тогда просто не знал, как объяснить то, что невозможно понять, невысказанно принять, нельзя простить. Дима собрал вещи быстро, кроме зимних – зачем ему эти тряпки? Он снял со стула набитый баул, поставил его на пол и сел. Времени осталось примерно час. Дима не знал, чем занять себя, а ведь от волнений, связанных с предстоящим разрывом, желательно было отвлечься, успокоиться, это оказалось нереальным. И Дима просто ждал, поставив локти на колени, держа в руках смартфон, глядя на входную дверь и чувствуя, как внутри все трепещет...

Людочка вбежала – девчонка девчонкой: глаза нараспашку, улыбка – как солнце, в руках по пакету с продуктами. Конечно, они ссорились, ссоры были глупыми, ничтожными, поэтому мирились быстро, чаще на кровати, забывая даже причины, побудившие к небольшой распре.

– Димка? – удивилась и обрадовалась Людочка. – У тебя же сегодня тренировка! Филонишь?

– Я отменил.

– Голодный? Я быстро...

– Стой, Люда! Мне надо кое-что сказать...

Она успела пробежать мимо и остановилась за его спиной, что было в жилу, потому что смотреть ей в глаза... выше сил.

– Дим, что там у тебя, ты чего молчишь?

– Люда, я ухожу, – выпалил он без долгих словесных подходов, как и советовала Фрида.

– На тренировку?

– Совсем.

– Не поняла. – Она перешла и стала перед ним, Дима сидел, опустив голову. – Что значит – совсем? Собрался переночевать у кого-то?

Прощание обещало быть долгим, болезненным для обоих, он это понял и, дабы закончить пытку, выпалил со злом (на себя, конечно, на себя):

– Я уйду совсем, мы расстаемся. Навсегда.

А чтобы избежать сцен, не видеть силу удара, нанесенного Людочке, Дима нашел наиболее удобоваримый вариант для него: резво вскочил, в доказательство разрыва положил ключи на стол, подхватил сумку с вещами и был таков. Он сбегал по старой скрипучей лестнице, которая, казалось, вот-вот развалится под его ногами... Та дорога стала самой длинной в его жизни, она отсекала его от него же, а ухо резал голос Людочки, от ее отчаянного крика хотелось сбежать на луну, которая еще недавно наблюдала за их страстями:

– Дима! Что произошло?.. Объясни!.. Так же нельзя... Дима, прошу тебя, остановись... Как ты можешь!.. Почему? Почему?! Почему?!!

А входная дверь заела! Слыша, что Людочка сбегает по ступенькам, он ударил по двери ногой, замок сломался и – вот она, свобода! Он убежал, как вор, бандит, горло сдавливала невидимая рука, лицо горело огнем...

– Дима!.. – надрывалась Людочка, стоя в дверном проеме их маленького домика, окруженного деревьями с раскидистыми кронами и громадинами эпохи Сталина. – Дима, пожалуйста... Вернись!..

Рыданий уже не слышал, к тому времени он шагал по проспекту широким шагом, тяжело дыша и утирая предательский пот с висков. Гектор ждал в том же переулке, дремля под тягучую музыку.

– Поехали, – отчаянно кинул ему Дима.

Сумку он бросил на заднее сиденье, упал на первое и разом сник, с невероятной силой что-то незнакомое и еще не понятное выжигало нутро...

– Тяжело? – спросил Гектор. Не получив ответа, он посоветовал: – В бардачке коньяк, выпей, легче станет, но ненадолго.

Дима воспользовался советом, отхлебнул три глотка прямо из горлышка, для человека, не употреблявшего спиртное, доза весьма серьезная. Голова крутанулась, а стыд... да, тяготил самый настоящий стыд, будто его раздели донага перед толпой хохочущих придурков, стыд душил, жег, подавлял и не стал ни на йоту меньше после коньяка. А тут звонки доканывали – звонила Людаша.

– Дай твою трубу, – протянул руку Гектор, не глядя на пассажира. Нехотя Дима отдал смартфон, получил взамен новый, крутой. – Эта труба теперь будет у тебя, контакт там пока один – мой. И запомни, босс всегда садится на заднее сиденье за первым пассажирским, на первом обычно сидит охранник.

Так оборвались все связи, ну, что ж, Дима сам дал согласие.

– Пройдет, – тем временем уверял Гектор, не взглянув ни разу на него, но откуда-то зная, что творится с парнем. – Все проходит, как хорошее, так и плохое, это аксиома. Я привезу тебя и оставлю, побудь один, тебе надо свыкнуться с новым положением. В доме есть все, что нужно: еда, выпивка, телик, музыка. Если понадобится, звони. Ключи, счастливчик, держи... Это от дома, от машины получишь, когда сдашь на права. Повезло тебе сразу получить все, не парься.

И вот Дима вошел во двор, за ним по инерции захлопнулась железная дверь, словно в замысловатой ловушке. По аллее он прошел к дому, открыл ключами входную дверь, вошел и выпустил из руки сумку. Так и проторчал энное количество времени в прихожей – столбом, слыша истошный зов Людочки...

Потом Дима отправился в ванную, постоял под душем, облачился в махровый и почти невесомый халат белого цвета. В гостиной, заглядывая в шкафчики, обнаружил бар, выпивки там в самом деле до фи́га, выбрал виски.

– Фу, гадость... Самогон, что ли? – засомневался он в подлинности напитка, когда выпил пару глотков, и принялся изучать красочную этикетку на бутылке.

Но что он понимал в этикетках, дорогих напитках? После осмотрелся.

– Хм! Неужели это все мое? Обалдеть...

Не верилось. Совсем не верилось! А на следующий день переживания, связанные с Людочкой, отошли на второй, потом и на третий план, ибо стали оформлять документы. Начали с паспорта, то есть со смены старого имени на новое, так он стал Артуром Юрьевичем Майским, как бы внебрачным сыном Юрия Васильевича, по сути это явилось гарантией – все, что с ним происходит, не сон.

– Не сон! – смеясь, раскинув руки в стороны и запрокинув голову, кричал Дима... то есть Артур, в своем шикарном доме, оставаясь наедине с собой. – Это не сон... не сон...

Так начался новый отсчет, только много позже он начнет тосковать.

К счастью, не всем так «везет»...

...как Артуру, большинство начинает каждый день вперемешку со своими маленькими трудностями-радостями, не претендуя на высшее место в пирамиде. У Людочки утро началось с ответственной процедуры, она поила Лину Марковну лечебным чаем, приговаривая:

– Хорошо... Еще немножко... И больше никогда с нами не надо спорить, сказал Тиша – к нам переезжаете, значит, надо принять это решение.

– Я привыкла здесь...

– Ничего не хочу слушать, – мягко перебила ее Людочка. – Вчера Тиша ехал сюда – я просто зажмурилась, чтобы от ужаса не умереть, штрафов придет теперь уйма. Но как же нам повезло, что все обошлось. Врач хороший попался, я обещала подарить ему серьги, самые красивые...

– Зачем мужчине серьги?

– Жене подарит. Так вот, Лина Марковна, если б вы жили с нами, то вчерашнего кошмара не случилось.

– Тихон подослал тебя с уговорами?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.